

Иван Комаровский

*Дары богини
Хадор*

Иван Комаровский

Дары богини Хадор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607673

ISBN 9785449040114

Аннотация

Загадочное исчезновение знаменитого профессора естествознания, которого объявляет в розыск секретная государственная полиция – Нуатрикс, приводит его внуков Тео и Ирму к таинственному посланию – единственному связующему звену, оставленному им их дедушкой. Послание затягивает обоих в водоворот опасных событий, грозящих раскрыть одну из самых страшных тайн древних цивилизаций, тайну могущественных артефактов – Даров богини Хадор, охота за обладание которыми уже началась...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. Без вести пропавший	18
ГЛАВА 2. Ключ	35
ГЛАВА 3. Зеркальная комната	53
ГЛАВА 4. Лихорадка	69
ГЛАВА 5. Сила Алых Камней	86
ГЛАВА 6. Орест Нил	104
ГЛАВА 7. Тайник	119
ГЛАВА 8. Штурман «Имиды»	136
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Дары богини Хадор

Иван Комаровский

© Иван Комаровский, 2018

ISBN 978-5-4490-4011-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Шторм

Торговое судно «Имида»

Пункт отправления: порт Гирос

Пункт назначения: город Ингиerrat

19 февраля, десятый день плавания

Раскаты грома сотрясали небеса, а ломаные молнии разрезали зловещие тучи, иссиним отблеском освещая не менее ужасающие пенистые гребни волн.

Океан бушевал, его ревущие и свирепые воды со всей возможной яростью обрушивали гнев природы на небольшое торговое судно, что оказалось в плену невесть откуда развернувшегося шторма.

Ураганы, подобные этому, случаются крайне редко, если не сказать, что совсем не случаются, в это время года в северных широтах, а потому данный факт вселял экипажу Имиды неподдельный страх.

Однако команда не растерялась в столь внезапно изменившихся погодных условиях и незамедлительно начала подготовку судна к встрече со стихией.

Капитаном Имиды был опытный моряк, чьи профессиональные навыки позволили экипажу сработать быстро и слаженно. В считанные минуты были протянуты штормовые ле-

ера для более безопасного передвижения по палубе; дополнительные найтовы наложены и надёжно закреплены на все движущиеся предметы: шлюпки, якоря, запасные рангоутные деревья; грузовые люки хорошо задраили и наложили на них сетку из пенькового троса для большей герметичности; паруса убрали и прочно закрепили, а те нижние, что необходимо было оставить, глухо зарифили.

– Старший помощник, – обратился капитан к молодому моряку, не выпуская из рук бинокля, чрез который он пытался разглядеть и оценить силу бури, что набирала мощь от минуты к минуте, – позови штурмана Имадиса ко мне.

Молодой моряк стремительно покинул капитанский мостик, ноги его плохо слушали от волнения, потому как, он предполагал, что капитан во власти сомнений, заставивших его искать совета и помощи у Имадиса Лэйна, с которым у капитана никогда не складывались отношения.

Имида следовала с попутным штормом, и капитан понимал: при плавании по направлению бега волн возникает опасность снижения управляемости судна, корму может сильно заливать водой, а сам корабль и вовсе способен развернуться лагом к волне и опрокинуться. Однако нечто мешало капитану принять решение относительно способа штормования, он колебался...

А между тем, ураган набирал мощь: шквалистый ветер вздымал длинные волны с загибающимися вниз гребнями, которые с грохотом опрокидывались и рассыпались в брыз-

ги, что вместе с густыми полосами пены бурлили на поверхности встревоженного океана. К грозе присоединился ливень, больше прежнего ухудшающий видимость.

Капитан думал и мысленно пытался унять неистовое бие-ние своего сердца, в этот миг на мостик зашёл человек, капитан резко обернулся и был уже готов встретить Имадиса Лэй-на парой тройкой отборных «приветствий», но его взгляд встретился с горящими в полумраке глазами вахтённого помощника.

– Капитан, явился доложить гидрометеорологическую обстановку, – отчеканил промокший до нитки мужчина, – скорость ветра достигает 50 миль в час...

– Да будет тебе, – резко перебил его капитан, махнув рукой и отвернувшись, – без твоих докладов всё ясно, – сказав это, капитан вдруг ощутил усиливающуюся кормовую качку.

«Где же Имадис?, – подумал капитан, стиснув зубы от злости, – надеюсь, он не заартачится...».

– Капитан, будут указания? – спросил вахтённый помощник неуверенно, опасаясь прервать его размышления.

Повисла неловкая пауза, временами оглушаемая раскатами грома и всплесками свирепых волн.

– Да! – наконец, ответил капитан. Он произнес слово громко и твёрдо, так, чтобы придать себе больше уверенности, – предупреди экипаж, что мы поворачиваем Имиду и приводим её против ветра, – с этими словами, он быстрыми, но упругими шагами последовал в рулевую рубку.

Старший помощник ворвался в штурманскую, но не обнаружил Имадиса Лэйна. На столе штурмана коптила свеча, окружённая истрёпанными картами, таблицами склонения светил и значений девиации, на краю стола небрежно лежали секстант и хронометр, точно брошенные в спешке.

Старший помощник несколько раз окликнул штурмана, а после выскочил в коридор и побежал, продолжая звать Имадиса. Молодой парень ощущал, как тревога комом подкатывает к горлу: он не единожды сталкивался со штормом, но на этот раз что-то пугало его, что-то на глубинном уровне пробуждало все его страхи и опасения.

В это время команда Имиды готовилась к опасному манёвру: в машинном отделении были запущены двигатели, призванные привести в движение гребной винт в необходимый момент, а всё внимание капитана приковали бушующие воды.

– Поворот необходимо начать, когда корма окажется на обратном склоне последней из серии крупной волне, – распорядился капитан, и рулевой крепко вцепился в штурвал.

С гулом и свистом Имида поднялась на очередном гребне, судовой руль был переложён на борт и судну дали полный ход.

Нос корабля с галюнной фигурой в форме гигантской крылатой рыбы был приведён против волнения, капитан приказал установить штормовую бизань и застопорить ма-

шины для дрейфа.

Экипаж почувствовал возрастающую амплитуду килевой качки, отчего стало труднее сохранять равновесие, а беснующиеся волны захлёстывали на палубу, грозя увлечь за собой неосторожных и сбитых с толку моряков.

Двигатели не удавалось остановить быстро, чтобы резко снизить скорость, отчего волны яркими ударами бились о подводную часть судна, однако Имида медленно спускалась кормой вперёд, удерживая нос супротив шторма.

«Ну вот, я справился и без твоей помощи», – подумал капитан, представляя могучий образ Имадиса Лэйна, которого, к слову, не переставал разыскивать старший помощник.

Штурман будто растворился в воздухе, а в возникшей суматохе никто не мог сказать, когда и где в последний раз видели Имадиса Лэйна.

Когда уже потерявший надежду старший помощник заглянул в одну из кают, что никому не принадлежали и пустовали, он увидел широкую спину сидящего на корточках штурмана.

В каюте стояла тишина, казалось, что она была недостижима рёву шторма, но какой-то неприятный цвиркающий звук отражался от лакированных деревянных стен и давил на барабанные перепонки.

– Ты из ума выжил?! – гневно спросил старший помощник, вымотанный поисками, – я тебе целую вечность ищу! Ты нужен капитану! Скорее!

– Постой, – гулким басом проревел Имадис Лэйн, хотя старался говорить как можно тише, – подойди, – добавил он, не оборачиваясь...

Старший помощник сделал несколько осторожных шагов навстречу штурману и остановился, когда увидел то, над чем склонил свою голову Имадис Лэйн, и тем, что было источником странного звука...

Перед Лэйном лежал искусно выполненный магнитный компас, казалось, будто прибор обезумел: его стрелки вращались с такой небывалой скоростью, что создавали непрерывные полупрозрачные тёмные круги над шкалой, издавая при этом высокий свист.

– Что это значит? – спросил старший помощник, не отрывая взгляд от навигационного прибора.

– Это значит, что мы потерялись. Я не имею никакого представления, что это, но уверен... мы в большой беде... – Имадис поднял взор на старшего помощника, и в его глубоких, полных мудрой печали глазах, что прежде не выдавали ни тревог, ни радости, ни слёз, терзающих душу этого человека, множилась тень запредельного страха...

* * *

Яростный шторм не собирался отступить, ветер и ливень продолжали усиливаться, вместе с ними росло и волнение, угроза нависла над Имидой и её экипажем, потому не более чем шестидесяти человек, ушедшим в плавание из порта Гирос, оставалось уповать на благосклонность судьбы и удачу.

Каждый из них в мыслях молил о прощении, о прощении за свои грехи, ошибки, каждый надеялся дожить до нового дня, ведь в буре, сознание человека меняется: он, как никогда, ощущает себя уязвимым, беспомощным перед стихией, но в тоже время сопричастным её могуществу на безличном уровне...

Имадис Лэйн и старший помощник, наконец, явились в рулевую рубку, где находился капитан.

Капитан бросил мимолётный взгляд, полный гнева и презрения, на своего штурмана, но сохранил безмолвие, хотя внутри у него всё накалилось добела.

– Капитан, у меня для вас сообщение... – начал старший помощник, но Имадис Лэйн оборвал его на полуслове:

– Капитан, я прошу прощение за то, что заставил себя искать, на то были свои причины. Я считаю, что для большего обеспечения безопасности судна, необходимо принять дополнительные меры, Имида вскоре станет не способной выгребать против волны и держаться против ветра, судно начнёт терять управление.

– Невзирая на моё отношение к тебе, я ценю твои советы и всегда ценил, однако сегодня я опередил тебя, Имадис, и уже распорядился обо всём, – сказал капитан, – а теперь поведай мне, что важнее, чем подготовка к шторму, могло тебя отвлечь?

В это время с носа корабля вытравили штормовой якорь и якорные цепи, установив малый ход на двигателях, это

гарантировало более выгодное состояние при дрейфе. Для успокоения возрастающего волнения, матросы с носа корабля из парусиновых мешков выпускали терпентинное масло, что растекалось по поверхности моря в виде плёнки и сглаживало гребни штормовых волн.

– Капитан, мы утратили возможность навигации, – сообщил Имадис Лэйн, наблюдая за тем, как лицо капитана меняется, изображая попеременно, сначала удивление, а после тревогу, – по неизвестной мне причине, компас более не исправен. – Штурман вытащил из сумки компас, а затем положил звенящий от неистового вращения прибор на небольшой столик.

– Этого не может быть, – капитан не мог поверить в то, что видел воочию.

– Я думаю, мы оказались в Сумеречных водах, – заключил Лэйн, – можете утверждать, что всё это рассказы и небывалые моряков, но не одно судно кануло в неизвестность в таких водах. Единственное, что не даёт мне покоя так это то, как мы могли сбиться с курса, и сбились ли мы вообще, я несколько раз перепроверял расчёты. Быть может тому виной ошибка в магнитном склонении, ведь судя по тому, как ведёт себя компас, можно заключить, что магнитное поле в здешних местах искажено.

Разговор прервал сильный гул, раздавшийся вдали, от этого звука кровь стыла в жилах, а вторившие ему крики команды вселяли ужас.

– Капитан! Капитан! – голосил один из матросов, что при входе в рулевую рубки чуть не выбил дверь всем своим телом, – взгляните!

Капитан, Имадис Лэйн и старший помощник выбежали наружу, и тут же их обдало холодной водой, солёными брызгами и ветром. Видимость оставляла желать лучшего, но даже сквозь эту гущу безумного мрака можно было разглядеть сияние цвета индиго, что поднималось с океанической глубины, неся в себе скрытую угрозу.

Загадочное сияние с монотонно угнетающим воем становилось интенсивнее и странным образом подсвечивало масляно-терпентинную плёнку на поверхности воды, отчего та приобретала янтарно-жёлтый блеск.

В то же мгновение экипаж команды ощутил резкий хвойный запах скипидара, будто разлитое масло принялось испаряться с подогреваемой светом воды. Вместе с этим почти удушающим ароматом ввышину начал подниматься горячий воздух, что резко контрастировал с холодным штормовым ветром.

Машины Имиды самопроизвольно ускорились, приведя гребной винт в активное движение. Капитан отдал приказ застопорить двигатели, но все попытки машиниста были тщетны: механизмы не подчинялись ему.

Казалось, будто неизвестная сила, что открыла себя, создала вокруг торгового судна зону штиля, ибо волны вокруг корабля практически успокоились, а штормовой ветер слов-

но обходил Имиду стороной.

Гул набирал мощь до тех пор, пока члены команды явно не ощутили нарастающую вибрацию: корпус судна вступил в резонансные колебания с водами океана, что испытывали воздействие сияния.

Обшивка Имиды не могла выдержать приложенной энергии незримой мощи, а потому стала расходиться по швам, штормовой якорь и якорные цепи, обеспечивающие дрейф судна, с грохотом были разорваны.

Амплитуда пульсации достигала своего апогея, она становилась столь сильной, что у многих членов экипажа начала идти кровь из носа, а у иных лопались барабанные перепонки. Крики боли и паники слились воедино с рёвом таинственного свечения, а Имида, была уже готова с минуты на минуту рассыпаться на тысячу частей...

В следующую после этого секунду, вибрация внезапно прекратилась, а сияние погасло так же неожиданно, как появилось. Судно к этому времени набрало достаточную скорость, шелестя водами в водворившейся зловещей тишине.

Мгновение спустя, новый шквал бури изменил направление на противоположное и последовал за кормой корабля. Аспидно-чёрный вал невообразимой высоты настиг Имиду, сокрушил рангоут и такелаж, превратив их в груды щепы и разорванных канатов.

Вода заливала палубу и, захватывая людей, смывала их в океан, а тем, кто могли удержаться, далеко впереди пред-

стала бесформенная чёрная громада, нависающая над морской пеной, что белой грядой вздымалась у её берегов.

– Земля! – закричал кто-то.– Впереди земля!

Молния сверкнула в небесах и будто разверзла бездонные воды, из которых показались чёрные языки острых скал, что несли гибель всем, кто осмеливался приблизиться к древним местам, свято хранимым могущественными силами бытия.

Нечеловеческий удар земной тверди встретился с Имидой, перекаты рокота от треска развороченной на куски обшивки слились с громыханием небес.

Через огромную сквозную брешь, подобную пасти бездны, устремилась вода, которая быстро и неумолимо заполняла нагруженные трюмы и твиндеки торгового судна.

Имида погружала нос в морскую пучину, задирая кверху корму, позади которой остались верхушки смертоносных скал, вновь скрывшихся под покровом океана.

Гребной винт продолжал вращение и уже наполовину показался из воды, но после раздался взрыв в машинном отделении, и из, будто вывернутой наизнанку, хвостовой части судна вырвалось алое пламя, движитель выбило с гребного вала, и винт, ударившись о воду лопастями, поднял облако брызг и пены, а затем скрылся в глубине.

Агония жизни отныне разворачивала свою историю, ибо выжившие члены экипажа отчаянно хватались за возможность спасения, движимые первобытными инстинктами и страхами, безуспешно стремившиеся вырваться из оков

надвигающейся смерти...

Однако Имида стремительно погружалась в морскую пучину, призывая людей последовать за собой...

* * *

Первым, что он ощутил, был запах морских водорослей, выброшенных на песчаный берег штормовым ветром.

Имадис Лэйн открыл глаза и сквозь полутьму увидел грозовые тучи, низко парившие над землями, не нанесёнными ни на одну карту мира. Ливень закончился, а буря стихла, но океан ещё оставался тревожным.

Штурман поднялся на ноги, его сильно мутило, а после несколько раз вырвало. Ему пришлось приложить не малые усилия, чтобы сохранить равновесие, ибо голова его кружилась, а рассудок находился в плену неведомого дурмана, точно сам воздух здесь пьянил.

Имадис понял, что его выбросило на сушу, и он был не одним, кто выжил после кораблекрушения: штурман слышал какие-то приглушенные крики, словно доносившиеся чрез застывшее пространство.

Лэйн пытался отозваться на звуки, но слова застряли в глотке, и онемевшие губы оставались безмолвны.

Штурман ощутил, как само место, в котором он очутился, источало ужасающую силу, вселяющую неотступный, бесплодный и какой-то первобытный страх, от которого хотелось бежать.

Но то, что происходило с Имадисом Лэйном, было только

преддверием истинного кошмара, который он даже не мог себе вообразить...

ГЛАВА 1. Без вести пропавший

Тео Калеста почувствовал на себе пристальный взгляд, будто кто-то наблюдал за ним издалека. Это странное, почти навязчивое, ощущение заставило его оглядеться по сторонам, однако молодой человек не мог похвастать превосходным зрением, а очки надевал редко, только на лекциях.

Не разглядев ничего подозрительного, Тео поспешно свернул в сторону аллеи, что вела к зданию медицинской семинарии. Он уже опаздывал на занятие посвящённое детским болезням, пожалуй, единственный предмет, что давался ему нелегко.

Вообще, Тео практически никогда никуда не опаздывал, в этом смысле, он был порой даже излишне пунктуальным. Однако по средам каждой недели юноша задерживался в центральной городской больнице святой Англии, где подрабатывал ассистентом на неофициальных началах.

Молодой человек превосходно учился и обещал стать грамотным врачом, а потому был приглашён своим наставником – старшим магистерием Академии Целительств Нэмосом Варда – набираться практического опыта в отделении терапии, где сам Нэмос занимался курацией пациентов и корректировал схемы лечения.

Нэмос Варда тепло относился к Тео, и гордился тем, что студент, обучающийся на последнем курсе семинарии, уже

может самостоятельно заниматься медицинской деятельностью, формально ограничиваемый лишь отсутствием выпускной аттестации.

Тео ценил оказываемое ему доверие со стороны наставника, и точно любознательный ребёнок впитывал каждую мелочь, всякую толику знаний и умений, что получал в больнице.

Однако совмещать обучение и работу, хоть и увлекательную, являлось трудной задачей, потому, после очередного ночного дежурства, молодой человек, измотанный отсутствием полноценного сна, полуголодный и угрюмый, скорым шагом следовал к не менее мрачному зданию медицинской семинарии.

Миновав череду высоких, каменных коридоров со стрельчатыми окнами, Тео очутился на внутреннем дворе, где на лужайке, поросшей сочной весенней травой, коротали время студенты, обнимающие массивные книги и штудирующие наскоро написанные лекции.

– Тео! – окликнул некто позади. – Постой! – молодой человек обернулся и увидел своего однокашника Гвинэ Рина, нескладного и угловатого юношу, которого родители против его же воли, послали обучаться лекарскому искусству.

– О, Гвинэ! – Тео попытался изобразить приветливую улыбку, но подумал о том, как бы избежать назойливых распросов друга, который каждую среду встречал его, и они вместе опаздывали на занятие.

– Как дежурство? – весело спросил Гвинэ и пружинящим шагом последовал рядом с Тео.

– Нормально, – холодно бросил Тео.

– Было что-нибудь интересное?

– Нет. Как обычно.

– Удалось хоть немного вздремнуть?

– Разве что под утро.

– А я, представь, стал свидетелем интересных слухов по поводу профессора Стига, – воодушевлённо пропел Гвинэ. Тео тут же представил низкорослого седого профессора, читающего лекции по детским болезням, с которым у него были напряжённые отношения, связанные с частыми опозданиями на занятия, как, впрочем, и у Гвинэ.

– Только не говори мне, что это связано с арканомикой, – ухмыльнулся Тео, зная, как трепетно Гвинэ относится к таинственному предмету.

– Именно! – воскликнул Рин, – Всегда удивляла твоя проницательность.

«Какая уж тут проницательность, – подумал Тео».

Ребята пробежали несколько пролётов крутой лестницы, ведущей в подвальные помещения, где в сырой полутьме обычно проходили скучные и монотонные занятия Стига.

– Говорят, Стиг связан с Арканарикумом. Я хочу задать ему провокационный вопрос сегодня, – тихо сказал Гвинэ уже перед тем, как заходить в класс.

К счастью, профессор ещё не приступил к объяснению но-

вого материала и не обратил внимания на опоздавших, сосредоточенно раскладывая свои бумаги на огромном столе.

Места для сидения в аудитории поднимались уступами, представляя собой амфитеатр, внизу которого располагались: стол, трибуна и доска.

Тео оглядел набитый студентами зал: все лица были знакомы, что никого не удивляло, учитывая четыре года совместного обучения в семинарии, однако один человек выделялся среди толпы.

Во-первых, на нём не было белого халата, а потому его чёрный, монокромный пиджак с воротником-стойкой резко контрастировал с белизной медицинской одежды, во-вторых, он выглядел чуть старше учеников, а в-третьих, он был абсолютно лысым.

Незнакомец сидел на самом верху амфитеатра, откуда ему открывался широкий обзор происходящего в зале. Он бросил подозрительно заискивающий взгляд на вошедших ребят, и к Тео вновь вернулись неприятные, почти параноидные ощущения преследования, что возникли у него по дороге из больницы святой Ангии.

Гвинэ Рин не удостоил вниманием странного слушателя, быстро накинул на плечи халат и занял свободное место, Тео последовал его примеру.

Вскоре перешёптывание студентов остановил низкий и глубокий голос профессора Стига. Профессор озвучил тему занятия и приступил к объяснению. Тео лишь расслышал

«инфекционные...» и что-то ещё, но ничего не записал, безучастно вглядываясь в пустой лист тетради и держа в руке перо.

Сонный мозг молодого человека пытался найти объяснение тому, что он видел и что ощущал, проследить связи и ответить на вопрос: в чём причина необоснованной тревоги? Или же всё-таки она не так необоснованна, как хотелось бы?..

Тео с задумчивым видом, поглаживая свою густую бороду, попеременно смотрел то сквозь профессора Стига, то на чистый лист бумаги, что олицетворял абсолютное отсутствие каких-либо внятных мыслей в его голове.

– Тео, хотел тебя попросить об одолжении, – прошептал Гвинэ на ухо, чем отвлёк его от раздумий, – ты не поможешь мне в решении задачи по лекарствоведению? Никак не разберусь, что назначить пациенту с отёчным синдромом, – Тео кивнул в знак согласия, хотя не хотел возиться с очередным заданием Рина, которое он, как это часто бывало, не мог выполнить, – я тогда забегу к тебе сегодня вечером, если ты не против...

– Молодые люди! – гаркнул профессор Стиг неожиданно, отчего половина аудитории вздрогнула, – вы увлечены обсуждением темы занятия? – вопросительно посмотрел он поверх очков на ребят.

– К сожалению, нет, профессор, – незамедлительно ответил Гвинэ, практически лишённый свойства впадать в смя-

тение в подобных ситуациях, – но предмет нашего обсуждения не уступает по важности и увлекательности вашей лекции, – Тео, недоумевая, взглянул на друга.

– Неужели? – неодобрительно улыбнулся Стиг, – будьте добры, поделитесь и с нами.

– Что вам известно об арканомике, профессор? – выпалил Гвинэ.

В аудитории воцарилась тишина. Профессор всех оглядел, и было件нятно, что он никак не ожидал подобного вопроса. Взгляд Стига замер на незнакомце в чёрном пиджаке, но после он отвёл взор в сторону, вышел из-за трибуны и молвил:

– Арканомика, по большей части, надуманна и мистифицирована, это лженаука и говорить о ней всерьёз, отнимая время от действительно необходимых тем, на мой взгляд, преступление.

– Но всё же, профессор, – настойчиво продолжал Гвинэ Рин, – если сделать допущение и представить, что кто-то действительно всерьёз является её последователями.

– Тогда, если мыслить в подобном ключе, можно сказать, что арканомика – это обычай тайны, учение о тайном, – объяснил профессор Стиг. – Так называемые приверженцы арканомики считают, что её целью является: изыскание и вскрытие иррациональных, непостижимых для традиционных наук неизвестных явлений; возможности использования полученных знаний в приложении к практической деятельности

человека, направленной на подчинение природы, её преобразование и изменение. Объекты арканомики это, прежде всего, тайные учения, теории, гипотезы, мифические артефакты и прочее, что не вписывается в рамки традиционной картины мира. Считается, что эта лженаука тесно переплетена с другими дисциплинами: естествознанием, философией, точными науками, гуманитарными предметами, историей и мифологией, однако имеет свой собственный понятийный аппарат и методы познания, которые отчасти отличаются от общепринятых.

– Однако в чём суть арканомики? – спросил, подогреваемый любопытством ещё один студент, сидевший на последних рядах амфитеатра.

– Хм, – задумался профессор, – как можно сформулировать суть предмета, который сам по себе плод фантазии человека? Ну я попробую... – Стиг погрузился в недолгие размышления, – Наверное, суть арканомики – это отрицание какой бы то ни было невозможности. Иными словами, адепты этого учения считают, что всякое явление нужно рассматривать как нечто возможное, пытаться найти связи и доказательства, тем самым, арканомика априори не имеет ограничений в познании, а если они возникают, то задачей арканомики должно являться их преодоление.

– Профессор, вы верите, что Арканарикум существует? – на это раз, вопрос прозвучал с другого конца зала от студентки.

– Арканарикум? – переспросил Стиг, – вы имеете в виду ту самую мифическую тайную организацию, неофициальный научно-исследовательский центр? – нотка иронии и сарказма звучала в его речи, – нет, не верю.

– Но говорят, что на базе Арканарикума даже существует Университет Арканомики. А вся эта система вообще функционирует в рамках органа исполнительной государственной власти – Трибы Тайных Дел, – сказала та же студентка.

– Я считаю, что пора закрыть эту тему и продолжить занятие в нормальном режиме, нами итак было упущено много времени на бредовые рассуждения, – жёстко оборвал всех профессор Стиг, и, пока никто ещё не успел задать очередной вопрос, продолжил рассказывать о детских инфекциях.

Тео посмотрел на Гвинэ Рина и увидел полную удовлетворения улыбку на его лице. Он хотел что-то спросить у друга, но в тот же момент в дверь аудитории постучали, а нить мыслей оборвалась.

На пороге показалась молодая девушка, секретарь декана. Она подозвала к себе профессора, что-то быстро, но тихо, пролепетала ему, а после скрылась в темноте коридора.

Стиг вернулся к трибуне и громко произнёс, уставившись в свои записи:

– Тео Калеста, вас вызывают к декану. Возьмите свои вещи и ступайте, я освобождаю вас от занятия.

Тео помедлил некоторое время, но его привёл в чувства Гвинэ, который сложил сумку друга и подтолкнул последне-

го с места. Молодой человек стремительно покинул аудиторию, ощущая на затылке десятки пар любопытных глаз.

«Что происходит? – подумал Тео, – какой-то непонятный день...».

Кабинет декана находился в высокой башне, далеко от той аудитории, где читал свои лекции профессор Стиг, потому Тео потребовалось немало времени, чтобы добраться до неё, а неопределённость, нависшая над ним, сделала этот путь невыносимо долгим.

– Вам депеша, Тео Калеста, – первое, что услышал молодой человек, как только переступил порог деканата. Судя по запыхавшемуся виду девушки-секретаря не оставалось сомнений, что она вернулась на своё рабочее место несколько минут назад. Ускорь Тео шаг, то, вероятно, он догнал бы её на винтовой лестнице.

– Депеша? – переспросил Тео.

– Да, минут двадцать как пришла по телеграфу. Это от вашей сестры, – секретарь протянула листовку.

«Что за срочность заставила Ирму прислать телеграмму?» – недоумённо подумал Тео, разворачивая депешу для прочтения.

Посередине листа было всего несколько слов, напечатанных мелкими буквами:

«Срочно возвращайся домой. С Фанимаром беда. Ирма».

* * *

Поместье Калеста находилось на северной окраине города

Трэсматес, и его обитатели могли гордиться богатой и древней историей своих владений.

По праву наследования поместье принадлежало Фанимару Калеста, шестидесяти двухлетнему профессору естествознания, залуженному деятелю науки, известному и состоятельному человеку.

Однако, чтобы достичь столь значимых высот и признания, Фанимару Калеста пришлось преодолеть сложный, тернистый путь.

Фанимар родился далеко не в стенах знаменитого поместья, он родился и рос в семье простого пекаря и домохозяйки. Фанимар был первенцем, а через восемь лет после его рождения у него появился младший брат.

Отец Фанимара носил фамилию Калеста и приходился двоюродным племянником Инге Калеста, родовой дворянке, имеющей обширное поместье и сlying в высших кругах своенравным характером.

Вообще, в государстве Дэмос знать, то есть дворянство и духовенство, получает право владения землёй, которого в определенных случаях может лишиться, другими словами сама суть наследования землёй не постоянна. Вместе с тем, Инга Калеста, будучи одинокой и старой девой, пленённой предрассудками и чудачествами, вернула две трети дарованных земель государству, а оставшуюся часть, где располагался дом с садом, выкупила на накопленные сбережения.

Впрочем, никто и предположить себе не мог, что скупая

старуха оставит, кому бы то ни было в наследство своё имение, и уж тем более никому бы и в голову не пришло, что обладателем счастливого билета окажется Фанимар Калеста, сын того, кого Инга никогда не видела и кого по существу стыдилась.

Отец Фанимара работал в пекарне, где в небольшом подсобном помещении на втором этаже проживало всё семейство. Во время холодных и суровых зим, что заковывают в ледяные узы всю Семиветрянную Гавань и её побережье, мужчина подрабатывал в школьной котельной.

Но, несмотря на то, что мать Фанимара вдобавок занималась пошивом одежды на дому, полученных средств едва хватало, чтобы прокормить семью, хотя нельзя было сказать, что они голодали.

Вопреки тяготам жизни, Фанимар блестяще учился и, по окончании восьмилетнего школьного курса, сдал итоговый экзамен на оценку «Превосходно», позволяющую на конкурсной основе сразу поступить в университет или академию, минуя семинарии, где студенты получают специальное образование, дающее возможность заниматься профессиональной деятельностью вне рамок научно-исследовательского контекста.

Нужно сказать, что Фанимар прошёл конкурс, был зачислен в Государственный Университет Естествознания, получил стипендию на пятилетнее обучение и был определён в университетский пансион.

Всё складывалось как нельзя лучше, но во время обучения на первом курсе, в стране вспыхнула настоящая эпидемия огненной болезни, и вся семья Фанимара погибла от инфекции.

Это было не простым временем для молодого тогда Фанимара, но он всегда считал, что человек должен полагаться лишь на свою внутреннюю силу, ставить цели перед собой и следовать к ним самозабвенно, потому Фанимар успешно закончил обучение в университете и получил степень младшего магистера, позволившей ему начать преподавание в семинариях.

Фанимар приступил к написанию грамматики – своего научного труда, необходимой ступени на пути к высшей учёной степени профессора.

В это же время скончалась от тяжёлой пневмонии Инга Калеста, женщина лишь понаслышке знакомая Фанимару.

Именно по этой причине, Фанимар Калеста испытал невиданное удивление, когда узнал, что Инга завещала внука-племяннику право наследования своими владениями, а также небольшую сумму сбережений.

Фанимар участвовал в организации похорон Инги Калеста, но даже после них не осмеливался переезжать в родовое имение, предпочитая ему комнату в университетском пансионе.

Решающим событием, вынудившем Фанимара всё же перебраться в поместье окончательно, стало его знакомство

с Селеной, своей будущей женой.

Спустя год знакомства, вдохновлённые любовью, Фанимар и Селена законно закрепили свой союз и переселились в поместье, уже в стенах которого суждено было родиться единственной дочери Фанимара – Сандре.

Однако, вновь судьба решила испытать Фанимара: после тяжёлых родов, вызванных серьёзными осложнениями, Селена скончалась, оставив молодого отца один на один с крохотным хрупким существом, о котором Фанимар не ведал ровным счётом ничего и о котором не знал, как заботиться.

Время шло, а с ним Фанимар воспитывал в себе стойкость, уверенность, терпение, он учился растить дитя, возможно, не так, как хотелось бы, не всегда правильно, не всегда удачно, но он делал многое для своей дочери, чтобы обеспечить её всем необходимым, в том числе хорошим образованием, порой в ущерб духовным, тёплым, по-родительски домашним отношениям.

Быть может, поэтому Сандра выросла холодной и не слишком эмоциональной, в детстве она остро ощущала нехватку внимания отца.

По сему, осознав свои ошибки, уже будучи в зрелом возрасте, Фанимар Калеста решил по-иному воспитывать своих любимых внуков, которых подарила ему Сандра.

Тео и его младшую сестру Ирму, Фанимар ни больше, ни меньше считает своими «вторыми детьми», он всегда находит время для общения с ними, не боясь даже жертвовать

драгоценным рабочими часами.

В ответ на эту беззаветную любовь Тео и Ирма отплачивают той же заботой и привязанностью к дедушке, ведь их собственные родители, в действительности, повторяют ошибки Фанимара Калеста, допущенные им в молодости при воспитании Сандры.

Собственно благодаря такой парадигме отношений была продиктована серьёзная обеспокоенность Тео по поводу дедушки, которую вызвала депеша, что прислала Ирма.

Тео не медля покинул стены медицинской семинарии и поспешил к ближайшей трамвайной станции, но полупустой вагон уже отправился в путь, а до следующего трамвая было не менее получаса.

Молодой человек направился в противоположную сторону, где располагался городской рынок, и была возможность нанять частного извозчика, которые брали в это время суток меньше денег, чем обычно.

От нарастающего чувства тревоги, Тео ощутил, как ему становится всё труднее дышать, ведь ещё с детства он болел недугом бронхом, отчего был вынужден каждый день принимать лекарство, а при приступах вдыхать дым от специального курительного сбора.

Тео вынул из сумки папиросу, заполненную измельченной смесью сухих трав, прикурил её спичкой и глубоко вдохнул горячий дым. После нескольких вдохов, он почувствовал облегчение, Тео достал из кармана мятный леденец, кото-

рые всегда имел в запасе, и положил зелёную конфету в рот, чтобы смягчить горло и избавиться от неприятного привкуса трав курительного сбора.

Удача улыбнулась молодому человеку: ему удалось найти свободного кучера, и за приемлемую плату последний согласился отвезти Тео к северной окраине Трэсматеса, в поместье Калеста, над которым нависла угроза...

* * *

В этом году вторая половина апреля выдалась довольно тёплой: почки на деревьях стремительно распускались, а лужайки уже зеленели сочной травой.

Тео только сейчас заметил, как быстро наступала весна, хотя это мало его волновало в сложившейся ситуации.

Кучер, что есть мочи, гнал лошадей, сначала вдоль дорог мощённых камнем, а после и по широкой просёлочной просеке, что пепельно-серой лентной стелилась меж хвойника, обступившего поместье Калеста со всех сторон.

Вскоре конный экипаж преодолел резные металлические ворота, распахнутые так, словно бы они ожидали процессию званных гостей, и резко затормозил у роскошно декорированного двухэтажного особняка.

Тео Калеста расплатился с пожилым извозчиком и быстрым шагом, переходящим в бег, направился в сторону крытого крыльца, предварявшего вход в неизвестность...

Массивная парадная дверь, выполненная из дерева, была немного приоткрыта. Тео распахнул её и крикнул в пустоту

холла:

– Ирма! Я дома! Что случилось с дедушкой?

Не дожидаясь ответа, Тео вбежал вверх по лестнице и свернул в широкий коридор, из которого можно было попасть в кабинет Фанимара.

В коридоре было темно и тихо, лишь полоска света да звуки приглушённых голосов проникали в него из рабочей комнаты дедушки, в которой Тео и Ирма провели треть своего детства, изучая вместе с Фанимаром изобилующее литературное наследие его библиотеки.

Когда Тео переступил порог кабинета, так же, как он это делал много раз, молодой человек ужаснулся тому, что увидел...

Дедушка отличался своей страстью к порядку, его кабинет всегда был убран, а каждая вещь занимала своё место. Фанимар полагал, что порядок на рабочем месте означает порядок мыслей, а, значит, является залогом успешной и продуктивной деятельности.

Именно эту черту деда перенял Тео и именно поэтому он поразился тому, что ныне в кабинете Фанимара царил полнейший хаос: книги небрежно валялись на полу, переплёт некоторых из них были порваны, а страницы в беспорядке разбросаны; все ящики стола открыты, содержимое их опустошено; огромный фикус, стоявший у зашторенного окна, опрокинут. Не тронутой оставалась лишь тарелка с остатками недоеденного яблочного пирога, одиноко стояв-

шая на столике у кресла качалки и будто ожидавшая, когда её опустошит Фанимар, до страсти обожавший яблочные пироги.

Складывалось такое впечатление, что некто искал что-то среди вещей Фанимара, причём, не чураясь никаких методов и не боясь быть обнаруженным, ведь поместье никогда не пустовало, и в нём всегда присутствовали люди, сейчас столпившиеся в разгромленном с пола до потолка кабинете.

Здесь присутствовали все: Сандра Калеста – мать Тео, Ирма – его младшая сестра, отец молодого человека Миколас Тиндари и его вторая жена Мелисса, в углу комнаты стояла прислуга: домоправительница – госпожа Ранида и садовник, а по совместительству и разнорабочий, господин Дорм.

В свете окна возвышался силуэт инспектора полиции господина Тария Нокста, довольно неприятного типа, с которым Тео уже приходилось видеться единожды.

– Наконец-то! – воскликнула Ирма, подбежала к Тео и поймала его в своих объятиях, которых он не ожидал.

– Мы жаждали вас порядком, – просипел инспектор Нокст.

– Что произошло, мне может кто-нибудь объяснить?! – не выдержал Тео и отстранил Ирму, которая была уже готова вот-вот разрыдаться.

– Ваш дедушка, многоуважаемый господин Фанимар Калеста, пропал, – хладнокровно известил Тарий Нокст, – точно в воду канул, – добавил он в полголоса...

ГЛАВА 2. Ключ

– То есть как это, пропал? – изумился Тео.

– Так же, как и все остальные без вести пропавшие, – сказал Нокст, – когда вы в последний раз видели Фанимара? – инспектор вопрошающе взглянул на Тео.

– Вечером, – после минуты раздумья ответил тот, – вечером в понедельник. Я поднялся в его кабинет, пожелал доброй ночи и вернулся в свою комнату. Утром во вторник я проснулся раньше обычного, и, не завтракая, ушёл в медицинскую семинарию.

– То есть вчера вы не видели своего дедушку?

– Нет. После занятий, я пошёл перекусить в трактире, следом ненадолго задержался в библиотеке, а затем ушёл на дежурство, в больницу святой Англии, где пробыл до утра. А сегодня я сразу оттуда поехал на лекцию по детским болезням, среди которой меня вызвали в деканат, где передали депешу сестры, – Тео перевёл взгляд с инспектора на Ирму и встретил встревоженный, но пронзительный взор её зелёных больших глаз, полных слёз, которые она отчаянно пыталась сдержать. – И почему вы так уверены, что Фанимар пропал?

– На то указывает ряд фактов, – сообщил Тарий Нокст, – во-первых, ваш дедушка со вчерашнего дня не появлялся в Университете Естествознания, хотя ни лекции, ни практи-

ческие занятия не отменял и не переносил; во-вторых, погром, что вы здесь видите, – инспектор обвёл безучастным взглядом кабинет, – по-видимому, был совершён сегодня утром; в-третьих, все близкие и друзья Фанимара, кто мог иметь с ним контакт, видели его не позже вечера понедельника. А это значит, – сказал он после короткой паузы, – что он пропал, исчез или скрылся, говорите, как заблигорассудится, в ночь с понедельника на вторник.

– Скрылся? Исчез? – возмутился Тео, – да о чём вы говорите?

– О том, что с Фанимаром что-то случилось, Тео! – опередила с ответом инспектора Ирма, – Разве ты не понимаешь? Ты пропадаешь то на учёбе, то в больнице, только не дома! А между тем, дедушке не хватало твоего внимания! Если бы ты знал, как он переживал по этому поводу. Фанимар никогда не говорил мне этого, но одного его взгляда, при виде тебя, мне хватало, чтобы это понять. А сейчас...

– Ирма, дорогая, – тихо обратилась к девушке Мелисса и заставила всех повернуться в свою сторону, – подойди ко мне, – смуглолицая женщина с длинной пышной косой протянула руки на встречу к сестре Тео, чтобы приобнять её и успокоить. Ирма сделала к мачехе несколько шагов и припала к её груди, застрявший в горле ком слёз не давал девушке вздохнуть.

– Итак, инспектор, – в растущем напряжении внезапно сказала Сандра и вышла вперед. Тео даже не поднял гла-

за на мать, он растерянно стоял, уставившись в пол, – я думаю, нам необходимо оформить и заверить соответствующий протокол, завершив бесцельные выяснения семейных отношений. Чем раньше начнутся поиски, тем выше шанс, что они закончатся успешно.

Тарий Нокст еле заметно кивнул в ответ и, не скрывая недовольства, достал из кожаного портфеля лист бумаги. Сандра подошла к столу и взяла в руки перо.

– Виден профессионализм законоведа, – лицемерно улыбнулся инспектор, но Сандра не обратила на него никого внимания, будто служащий полиции был не больше и не меньше, чем тот самый фикус, что валялся возле зашторенного окна, и до которого никому не было дела.

Абсолютную тишину, тревожимую лишь скрипом пера, нарушил лай собаки Ирмы, что вбежала в кабинет на своих коротеньких лапках и остановилась около хозяйки:

– Тыковка, – попыталась изобразить радость девушка и наклонилась, чтобы погладить пса породы вельш-корги. Тыковка смотрел на Ирму влюблённым и доверчивым взглядом, Тео наблюдал за этой картиной и вдруг ощутил острую душевную боль оттого, что в последние несколько лет был так холоден по отношению к Фанимару и своей сестре, но самым обидным было чувство полного осознания этого с самого начала.

– Отлично, – прервал поток переживаний Тео инспектор Нокст, когда Сандра поставила подпись в углу оформлен-

ного протокола, – обещаю, что поиски начнутся незамедлительно. Но напоследок, я хотел бы задать Тео тот же вопрос, что задал и всем остальным, – молодой человек приготовился слушать, – Тео, ты не припомнишь ничего странного за эти три дня? Может, видел что-то необычное или слышал? – небрежно и без особого интереса спросил Тарий, соблюдая общепринятую формальность.

– Ничего подобного, – ответил Тео, хотя тут же вспомнил сегодняшнее утро: чувство преследования и странного лысого человека в чёрном на лекции профессора Стига, однако умолчал об этом.

– В таком случае, позвольте откланяться, – с этими словами Тарий Нокст захватил со стола оформленную бумагу и покинул особняк семейства Калеста.

* * *

Вечером Ирма Калеста сидела у себя в комнате и пыталась отвлечься от невыносимо тревожных мыслей, нарочито сосредоточенно стараясь закончить статью, посвящённую истории древнего праздника богини Имут Справедливой, приуроченному к концу мая, когда его традиционно отмечали совместно с Фестивалем Весны.

Ирма занималась журналистикой при Духовной Академии, где училась на третьем курсе и в которую поступила сразу после окончания школы, так как, в отличие от своего брата, сдала экзамен на высшую оценку.

Девушка часто корила Тео за то, что он намеренно зани-

зил результаты своего экзамена, чтобы поступить в медицинскую семинарию, хотя у молодого человека были все шансы попасть в Академию Целительства, которой он не отдал предпочтения.

Тео считает, что практическая деятельность лекаря более сопричастна больным, намного ближе к ним, и тем ценнее, чем научно-исследовательская работа магистров, профессоров, что выходят из своих университетов и академий с сухим багажом знаний.

Именно это противоречие стало краеугольным камнем конфликта Фанимара со своим внуком, вконец обострившим их отношения, ведь уже незадолго до этого Тео начал внезапно отдаляться от дедушки, хотя всей душой любил его и уважал.

Тео Калеста был непреклонен, он верил, что живое общение со страдающими людьми, нуждающимися в помощи – а не бесконечное изучение научных трудов в университетских библиотеках – поможет ему лучше находить общий язык с окружающими, в большей степени понимать их. Это в том числе относилось к матери и отцу Тео, которые проявляли к своим детям какое-то до глубины ранящее равнодушие.

Как и Фанимар, Ирма не могла понять внутреннего стремления своего брата, в попытке завоевания благосклонности родителей, так как девушка никогда не питала иллюзий на счёт них, воспринимая Сандру и Миколаса такими, какими

ми они были на самом деле и довольствуясь той малой толикой интереса, который они изредка проявляли к своим делам.

Однако, невзирая на очевидные духовные переживания брата и его закрытость, не свойственную ему изначально, Ирма продолжала прощать ему все недостатки, она продолжала любить его и верить, что однажды он изменится, и всё станет как прежде, когда они, будучи маленькими, делились друг с другом самым сокровенным.

Но сегодня Ирма как никогда разозлилась на Тео, ибо исчезновение Фанимара вывело её из душевного равновесия, поставив под сомнение силу оптимизма, так характерную для неё.

«Только работа, только какое-то занятие может унять этот поток негативных мыслей», – думала Ирма, окружив себя книгами и листами исписанной бумаги, что вносили в её и без того не прибранную комнату, дополнительный беспорядок, в хаосе которого девушка, странным образом, могла найти всё, что ей было необходимо в данный момент.

Ирма развернула небольшую рукопись в кожаном переплёте, где приводились переводы древнего религиозного трактата – Книги Запредельных Видений, что была написана Мэргором, могущественным магом, служившим Семерым Дейвам, посланникам богов и воплощениям их воли на земле.

«В Сиянии Маджи, в Бесконечном Свете, Альдахор Вер-

ховный узрел прекрасный образ Имут, богини истины, правды, справедливости и равновесия».

«Пожалуй, это будет неплохим началом статьи», – сделала вывод Ирма и выписала цитату в блокнот, который специально вела для «Академического вестника», отнимающего в последний месяц много времени и сил. Ко всему предыдущий выпуск еженедельной студенческой газеты вышел позже обычно, что вызвало массу негодований, поэтому Ирма решила заранее подготовить рабочий материал, а заодно отстранить себя от гнетущих переживаний.

В дверь комнаты постучали:

– Войдите! – не отрываясь от записей, сказала Ирма.

Порог переступила Мелисса, ласково улыбнувшись Ирме. Когда невысокая, стройная женщина, облачённая в ночное платье, показалась в тёплом свете ламп, Ирма увидела, что в руках мачеха держит наполовину опустошённый бокал вина, а глаза её изрядно захмелели.

– Не возражаешь, если я присяду рядом с тобой? – спросила Мелисса, не скрывая своего стыда перед Ирмой.

– Конечно, – ответила девушка и смела с кровати добрую охапку бумаг, – Мелисса, я просила же тебя не слишком увлекаться спиртным, – Ирма взяла у мачехи недопитый бокал и поставила на стол. Мелисса не сопротивлялась этому жесту, а покорно опустила голову.

– Твой отец в ключья разорвал картину, выставку которой я уже готовила на днях. За неё мы выручили бы немало де-

нег, думаю.

– Ты же знаешь папу, дорогая. Вероятно, он не меньше нас расстроен исчезновением Фанимара, хоть дедушка и не всегда ладил с ним.

– Быть может, – согласилась Мелисса, – но он уже больше недели практически ничего не пишет, часами лежит на кровати и смотрит в потолок, – добавила она.

– Не тебе говорить, каким сложным и трудным может быть Миколас. Иногда я думаю, как мама вообще смогла прожить с ним те первые шесть лет.

– Твоя мама любила его, она и сейчас его любит, по-своему, конечно.

– Мама и любовь – диаметрально противоположные вещи, – усмехнулась Ирма, на мгновение отпустив мысли о Фанимаре.

– Зря ты так говоришь, Ирма. Все любят и все хотят быть любимыми, иных чёрствыми делает жизнь и только.

– Странно, а я думала, это мы делаем свою жизнь.

– Мне кажется, не многие из нас на это способны, – заключила Мелисса. Ирма никогда не видела мачеху столь удручённой, ибо хорошо знала её и по существу считала второй матерью, не имевшей своих родных детей, но приобретшей не менее близких в лице Тео и Ирмы.

– Так, погоди! Хватит нам на сегодня расстройств, предлагаю спуститься вниз и съесть чего-нибудь сладкого, – Ирма почти под руки захватила Мелиссу и увлекла её прочь

из комнаты, в вечерний полумрак коридора.

Двое проскользнули на кухню, где приготовлением ужина занималась домоправительница, госпожа Ранида, уже много лет служившая в поместье Калеста.

Это была добродушная женщина, возрастом не старше шестидесяти лет, чуть полноватая, всегда опрятно выглядывшая, но часто молчаливая и задумчивая.

– Ранида, у нас есть шанс нарушить твоё главное правило? – спросила Ирма и встретила недоумённый взгляд домоправительницы, – я имею в виду, не есть ничего сладкого до обеда или ужина, – тут же пояснила девушка.

– Полагаю сегодня, можно пренебречь запретами, – не лукавя, бросила Ранида, – ох, у меня из головы не выходит господин Фанимар, – Ранида с неистовством начала нарезать кочан капусты, будто старалась разрубить в ничто свою обеспокоенность, внезапно материализовавшуюся в форме несчастного овоща.

– И у меня, – сказала Ирма, едва не проронив слезу. Она отвернулась от Раниды и Мелиссы, направилась к шкафу, где хранились продукты, отворила створки и изобразила активную деятельность по поиску съестного.

– Как же я сразу не забила тревогу, ещё вчера, – с горьким сожалением продолжила домоправительница, – когда не обнаружила господина Фанимара утром, и когда он не явился вечером, и даже когда не пришёл ночью. А он ведь всегда предупреждал меня, ставил в известность по поводу всех

своих дел.— Ранида закончила с капустой и бросила её тушиться в массивную сковороду, где уже румянилось мясо, — помню, как недавно, когда господин Фанимар встречался с Ористом Нилом и явился чуть не под утро, я знала, что он со своим старым другом и не тревожилась, приготовила ему травяной настой, что при похмелье — настоящее исцеление.

— Ранида, мы будем надеяться на лучшее, — выражая спокойствие, сказала Мелисса, ибо, как и Ирма, заметила не свойственную домоправительнице болтливость, явно свидетельствующую о тяжких душевных муках, — Фанимар порой эксцентричный и мало предсказуемый человек. Вероятно, важные обстоятельства потребовали от него столь странного исчезновения и, когда он вернётся, то, непременно, всё расскажет нам, вот увидите.

Тем временем Ирма, обнаружила плитку тёмного шоколада с орехами, разломала её пополам и протянула вторую половину мачехе:

— То, что ты любишь, — улыбнулась девушка, а после обратилась к Раниде, — у меня не укладывается в голове, как так случилось, что никто, ни единая душа в доме не видела уход Фанимара, ещё больше меня удивляет тот погром...

— Вот именно, — вторила Ранида, — накануне вечером я заходила в кабинет господина, вытирала пыль, как обычно, да решила полить цветок. Но всё было на своём месте. Когда же сегодня, я, в надежде, наконец, встретить господина обошла весь особняк и обнаружила тот ужас, что воцарил-

ся на его рабочем месте, всё содрогнулось во мне, – с этими словами домоправительница принялась что-то настойчиво искать на полках стеллажа, который стоял в углу кухни недалеко от печи.

– А я замоталась совсем, вчера, – сказала Ирма и отложила в сторону шоколад, – а ещё на Тео сегодня сорвалась, что это он ничего не видит кроме учебы и работы. Сама-то не лучше.

– Нет, Тео действительно слишком мало уделял внимание дедушке, – встала на защиту Ирмы Мелисса.

– Да, в самом деле! Где же она?! – возмущённо воскликнула Ранида, без устали разыскивая нечто среди склянок.

– Что ты ищешь? – спросила Ирма.

– Бочонок с сушёными пряными травами, моя особая смесь, которой ещё моя бабка пользовалась на кухне.

– Секретный ингредиент твоей стряпни? – Ирма подошла к другой полке и тоже приступила к поискам, её примеру последовала и Мелисса.

– Именно, самый главный, но я берегу их лишь для некоторых блюд, да и не во всякий день использую, – важно заявила Ранида.

– А как выглядит тот бочонок? – спросила мачеха, немного неуклюже перебирая всевозможные сосуды.

– Он деревянный, специально для сохранения особого аромата, – объяснила Ранида, она наклонилась под столешницу, и её голос приобрёл странное глухое звучание.

– Сейчас найдём, не мог же он никуда деться, – завершила Ирма.

– Ах, вот он! – резко выпалила домохозяйнице из-под стола, – и как же тебе угораздило сюда запропасться?! – она вытащила бочонок, открыла плотную крышку, погрузила в него руку и с озадаченным видом вынула конверт, – Что это? И откуда в моих приправах?

– Конверт? – решила удостовериться Ирма, – на нём что-нибудь написано?

– Да. Это от Фанимара тебе, – тут же ответила Ранида.

Ирма точно ужаленная пчелой подбежала к женщине и выхватила из её рук послание бабушки, она удостоверилась, что на нём начертаны те самые витиеватые буквы, принадлежавшие его аккуратному почерку. Девушка оторвала сургуч и заглянула во внутрь, в надежде обнаружить письмо или записку, но на дне конверта лежало нечто другое – это был небольшой медный ключ...

* * *

Первой мыслью, что вихрем пронеслась у Ирмы в голове, было: «Мне знаком этот ключ... Но где же я могла видеть его?..».

– Что за вздор? – с явным недовольством сетовала Ранида, – откуда это у меня в приправах?

– Да разве вы не понимаете? – просияла Ирма, обращаясь к недоумевающим женщинам, – Мелисса, ты абсолютно права! – добавила она, – Дедушка не обычный человек, он все-

гда делает всё по-своему, и я не поверю в то, что он бесследно покинул поместье! Фанимар Калеста для чего-то оставил мне этот ключ... – Ирма задумчиво покрутила в руках медную вещицу, а после ринулась прочь из кухни, – Тео!!! Тео!!! Ты где? – звонкий голос девушки, казалось, разносился по всему особняку и даже за его пределы.

Молодой человек находился в гостиной, пытаясь забыть-ся за книгой, посвящённой болезням сердца, хотя чтение не приносило, ровным счётом, никакой пользы, так как Тео постоянно терял суть предложений и уже несколько раз перечитывал не внятно написанный абзац.

– Чего ты так кричишь? – спросил Тео сестру, когда она была готова промчаться мимо уютного кресла, в котором он расположился. От неожиданности Ирма вздрогнула, но тут же пришла в чувства:

– Вот, полюбуйся! – она протянула Тео медный ключ. Молодой человек внимательно его рассмотрел и поднял на сестру вопросительный взгляд:

– И? Что? Это ключ. Чему ты так рада?

– Это оставил Фанимар, в бочонке со специями Раниды, в конверте, адресованном мне, – на одном дыхании проговорила Ирма. Тео изменился в лице. – Видишь связь? Фанимар оставляет мне послание, заведомо рассчитывая, что оно будет обнаружено не сразу. Он ведь часами мог отираться на кухне с Ранидой, внемлющей его бесконечным историям. Готова поспорить, он знал, что эти заветные специи исполь-

зуются не часто. Далее, у меня ощущение, будто я уже где-то видела этот ключ, и, мне кажется, что Фанимар предполагал, что я знаю, для чего он нужен. Тео, он не просто испарился в небытие! Наш дедушка во что-то ввязался, я уверена...

– Подожди, Ирма! Остынь! – прервал Тео сестру, – если всё так, как ты говоришь, тогда скажи мне, для чего же именно дедушка оставил тебе ключ? Но главное, что заставило его просто исчезнуть, никому ничего не сообщив?

– Ты думаешь, меня не интересует это? Да я уже, кажется, перебрала в голове всё возможное. Вот, Тео, – Ирма указала брату на ключ, что он зажал между большим и указательным пальцем, – это наши ответы.

– Мне не нравится это, – Тео внезапно сложил в голове три пазла: один был посвящён тому отвратительному ощущению преследования, испытанному им утром, другой – изображал лысого человека в чёрном пиджаке, который присутствовал на лекции, третий олицетворял тот ужасный погром в кабинете Фанимара, устроенный неизвестными, – Ирма, я считаю, что никто не должен знать об этом ключе, – на полном серьёзе сказал молодой человек.

Ирма поджала свои чётко очерченные тонкие губы и запустила руку в густую распущенную шевелюру пшеничного цвета с видом, точно в голове у неё разворачивалась интенсивная умственная деятельность:

– Хорошо, – кивнула она, – я предупрежу Мелиссу и Раниду, чтобы они не распространялись об этом ни одной жи-

вой душе.

– Так и сделаем, – Тео вернул ключ сестре.

Они оба направились в столовую, так как домоправительница уже известила всех об ужине, приглашая занять места за семейным столом.

К тому времени, когда Тео и Ирма явились в просторный зал, освещённый лампами, за столом сидел только господин Дорм, всегда заранее занимающий своё место.

Он любил приветствовать хозяев особняка, вставая со своего стула всякий раз, как кто-то неспешным шагом подтягивался к трапезе. Немногочисленная прислуга помещья всегда завтракала, обедала и ужинала с остальными членами семьи.

Ранида металась из кухни в столовую, разнося блюда и напитки, ей так же вызвалась помогать Мелисса.

Между делом, Ирма улучила удобный момент и поставила в известность обеих женщин о том, что находка медного ключа должна оставаться в тайне.

Чуть позже вниз спустился Миколас, с видом заспанным и удручённым, он, укутавшись в потрёпанный халат, испачканный краской, рухнул на мягкий стул и пригубил вермут.

Тео тоже занял своё место и наблюдал за тем, как отец, не поднимая взгляд на окружающих, вытирает свои кустистые, но ухоженные усы рукавом халата и накладывает в тарелку салат.

Вскоре, уже после того, как все приступили к еде, в зал

зашла Сандра, она пожелала собравшимся приятного аппетита, положила в тарелку кусочек картофельной запеканки и тушёной капусты, налила бокал вина, а затем ушла к себе.

Остальные сделали вид, что ничего не заметили, продолжая скрипеть вилками и ножами в мрачном безмолвии.

* * *

После ужина каждый вернулся в свои покои, кроме Раниды, которой ещё было необходимо перемыть гору посуды, и Тео, что расположился на веранде в ожидании, когда на тропе, ведущей к дому, покажется Гвинэ Рин, обещавший заглянуть к другу вечером в надежде на помощь по лекарствоведению.

Тео клонило ко сну, сквозь высокие окна веранды он наблюдал за тем, как сгущающиеся сумерки поглощали хвойный лес, но молодой человек старался не уснуть. Тео часто страдал от бессонницы, а потому впасть в дрему вечером гарантировало для него ночное бдение.

Между тем, хорошая погода, простоявшая последнюю пару недель, начинала резко портиться. Холодный северо-восточный ветер, дующий с моря, нёс за собой череду сизых тяжёлых туч, наполненных дождём и снегом.

На побережье Семиветряной Гавани довольно суровый климат: Трэсматес на протяжении года попеременно находится во власти семи ледяных ветров, дующих с разных концов земли и сменяющихся промежутками тепла и солнца. Северо-восточный ветер был последним из семёрки, что

приходил после зимы и предварял жаркое лето, посреди которого восточный ветер являлся в гавань со штормами и грозами.

Когда с неба посыпались крупные хлопья снега, стелившиеся на зелёной лужайке белой кисеёй, вдали показался Гвинэ. Молодой человек приехал на трамвае и шёл от остановки до поместья пешком.

Ранида, завидев частого гостя, поставила вскипятить чайник, а Тео стряхнул с себя остатки сна.

Гвинэ Рин изрядно продрог, но был как всегда весел:

– Ну и холод, – сказал он, переступая порог веранды, так как Тео заранее крикнул Гвинэ, чтобы тот следовал в сторону от парадного входа к застеклённой пристройке.

За чашкой чая, Тео пытался вникнуть в суть задачи, которую не мог решить Рин, а вездесущая болтовня друга мешала ему это сделать. Когда Гвинэ спросил про то, зачем Тео вызывали в деканат, молодой человек отложил в сторону листок с написанным заданием и, немного помедлив, поведал Гвинэ об исчезновении дедушки.

– Да ты что? – изумлённо воскликнул Рин, дослушав рассказ друга до конца, – ох, что-то не чистое здесь! Подсказывает мне моё чутьё.

– Надеюсь, всё скоро прояснится и благополучно за... – Тео оборвал себя на полуслове и подскочил на ноги, его взор пал чрез окно...

Уже достаточно стемнело, но снег точно подсвечивал тер-

риторию, окружавшую особняк, и на фоне его белизны возник, словно бы из неоткуда, высокий стройный силуэт, облучённый во всё чёрное.

– Тео, ты что? – с чашкой в руках спросил Гвинэ, снизу вверх озираясь на друга.

– Смотри, там кто-то идёт? Верно? Глаза меня не обманывают?

Гвинэ Рин поднялся с мягкого кресла и тоже подошёл к окну:

– Точно! Кого-то, как и меня, принесло в такую погоду, – усмехнулся он.

Но Тео, молча, следил за тем, как высокий человек в чёрном сокращает расстояние по направлению к особняку, пробираясь сквозь снег.

ГЛАВА 3. Зеркальная комната

Раздался глухой и мерный стук в парадную дверь, от которого сердце Тео Калеста начало биться чаще.

Тео и Гвинэ вышли из веранды, преодолели холл и отворили дверь незнакомцу.

На пороге стоял высокий, подтянутый мужчина, вероятно выглядевший моложе своих лет. Из-под распахнутого длинного чёрного плаща был виден пиджак с воротником-стойкой и зауженные брюки, заправленные в высокие кожаные сапоги, чёрные и отполированные до блеска.

Незнакомец был абсолютно лысым и гладко выбритым, это являлось следующей деталью его вида, на которую обратил внимание Тео.

– Добрый вечер, – сказал незнакомец, и взгляд Тео скользнул с его бескровных надменных губ к заострённому подбородку с небольшой ямочкой, – вы позволите войти внутрь? – спросил человек в чёрном, но, не дождавшись ответа, отстранил молодых людей и переступил порог. Его почти чёрные глаза, колючим и всепроникающим взглядом окинули пределы холла, а после остановились на Тео.

Молодой человек вдруг вспомнил, что этот же незнакомец находился в лекционной аудитории, сегодня утром.

На стук двери подоспела госпожа Ранида. Завидев пришельца, в столь поздний час, да в такую погоду, она

от неожиданности замерла около лестницы, не осмелившись подойти ближе. Казалось, что подтвердились наихудшие опасения домоправительницы.

– Можно узнать ваше имя и то, для чего вы пожаловали в поместье Калеста? – спросил Тео.

– Моё имя Эллонир Ронис, – мужчина фальшиво улыбнулся, – я служитель Нуатрикса, – он отвёл в сторону отворот пальто так, чтобы стал виден небольшой серебряный значок треугольной формы, висевший на груди, на котором было выгравировано замысловатое иероглифическое изображение.

Гвинэ Рин странным образом кашлянул, точно этот звук вырвался в результате некоего истерического припадка, однако никто не обратил на молодого человека внимание.

Тео прекрасно был известен Нуатрикс, хоть до сего момента он никогда не сталкивался с его сотрудниками.

Нуатрикс – подразделение Трибы Тайных Дел, контролирующее все процессы в государстве Дэсмос, а также за его пределами, по существу это служба безопасности, внутренняя и внешняя разведка.

Само это слово, «Нуатрикс», вселяло неподдельный страх всем, кто сталкивался с ним в жизни.

– Чем мы можем быть полезны для вас? – задался Тео, но голос его немного дрожал.

– Вы, должно быть, Тео? Тео Калеста? – Эллонир презрительно прищурил глаза, по которым было понятно, что на са-

мом деле, ответ ему уже известен.

– Да.

– Я прибыл сюда по поводу вашего деда, господина Фанимара Калеста.

Почему-то именно это заявление удивило Тео меньше всего:

– Он пропал без вести. Сегодня утром мы заявили об этом в полицию, делом занимается господин Тарий Нокст.

– Мне это известно, – бросил Ронис и обратился к Раниде, – не могли бы вы собрать всех, кто в данный момент присутствует в доме, здесь, в холле. Я думаю, будет не лишним, если они также возьмут с собой тёплые вещи, – домоправительница кивнула и судорожно ринулась вверх по лестнице. – Вам я тоже советую одеться, – сказал Эллонир Тео и Гвинэ.

– Мы куда-то едем? – спросил Тео.

– Да. Скоро прибудет экипаж и доставит вас в Нуатрикс для необходимого нам всем и, надеюсь, предельно откровенного разговора, – после этих слов, через открытую дверь в особняк зашли ещё несколько людей в чёрном облачении, похожих, будто на подбор, – ничего не упустите! – холодно распорядился Эллонир Ронис и ищейки, точно натравленные псы врассыпную бросились на поиски...

* * *

Всё происходило точно в тумане, Тео помнил лишь чёрную повязку на глазах и то, как Ирма крепко сжимала его ладонь в своей, а после как их связь оборвалась...

Они ехали довольно долго, сначала по ухабистой просеке, затем слышался цокот лошадиных копыт по мощённым булыжником дорогам.

Порой сквозь непроглядную плотную повязку просачивался тусклый огонёк света, вероятно, шедший от уличных фонарей, освещавших улицы Трэсматеса.

Большая часть жителей города знали, что в распоряжении Нуатрикса несколько зданий, но их точное месторасположение было известно только для одного: Центральной канцелярии Нуатрикса, все прочие являлись засекреченными.

Когда экипаж остановился, их вывели наружу, Тео ощутил солёный запах моря и был готов поклясться, что слышал ласкающий шум прибоя.

Вскоре их завели в тёмное помещение, долго вели по извилистым коридорам, а затем разделили, поодиночке разместив в небольших комнатах.

Только тогда неудобную повязку, наконец, сняли, и Тео увидел со всех сторон своё собственное отражения: щурящийся от света силуэт с чёрной копной взъерошенных волос, сидящий на стуле.

Тео находился в зеркальной комнате, где все стены, потолок и пол покрывали плиты зеркал.

Руки и ноги молодого человека не были связаны, но вселяющее панику помещение сковывало в холодных тисках.

Напротив Тео располагался небольшой стеклянный стол, за которым, скрестив руки на столешнице, восседал Элло-

нир Ронис, испепелявший молодого человека взглядом хищника. Тео также обратил внимание на хрустальный графин, наполненный водой и стакан около него.

– Ты волнуешься? – спросил Эллонир, разглядев выступающие капельки холодного пота на висках Тео. Молодой человек кивнул, не сумев вымолвить и слова, – вот, это поможет тебе расслабиться и сделать нашу беседу более откровенной, – Ронис открыл крышку графина, наполовину наполнил стакан водой и отмерил в него несколько капель бурой жидкости из небольшого флакона тёмного стекла, который вынул из внутреннего кармана пиджака.

Густая жидкость стремительными завихрениями окрашивала прозрачную воду, придавая ей буро-сизый оттенок.

– Что это? – спросил Тео.

– Я же сказал, это то, что поможет тебе расслабиться и вывести наш разговор на другой уровень.

– Иными словами, у меня нет выбора?

– Выбор есть всегда, – сказал Эллонир, – я предлагаю тебе выпить это, – он пододвинул стакан к Тео, – либо воспользоваться альтернативой инъекции. Эффект быстрее, но, на мой взгляд, это не эстетично, – мужчина говорил так, будто предвкушал истинное удовольствие.

Тео взял в руки стакан, поднёс к губам и сделал небольшой глоток, жидкость обдала холодом и точно куском льда покатилась по пищеводу, затем Тео смело опустошил стакан, не отводя глаз от Эллонира, который с каким-то вожде-

лением смотрел на то, как буро-сизый раствор уменьшается в объеме.

Тео со стуком установил стакан на столе, но всё ещё не отпускал его из рук, неистовая горечь во рту заставила юношу несколько раз сглотнуть слюну.

– Скоро это пройдет, – сказал Ронис.

– Надеюсь.

– Итак, расскажи мне о себе, – попросил Эллонир и закинул одну ногу на другую.

– Что именно вы хотите услышать?

– Всё, что ты считаешь нужным.

Тео задумался и замолчал на некоторое мгновение, но после промолвил:

– Я не хочу говорить о себе.

– Тогда о чём ты хочешь поговорить?

– Зачем я здесь? Фанимара в чём-то подозревают? Где он?

– Так значит, ты учишься на последнем курсе медицинской семинарии? – Эллонир проигнорировал поток вопросов Тео, и молодой человек подумал, что, возможно, только подумал о них, но не произнёс вслух. Тео ощутил, как мысли его путаются.

– Что с моим дедом? И зачем я здесь? – повторил Тео, осмотрелся по сторонам и увидел, что стены и потолок зеркальной комнаты приобрели подвижность, а отражение в них многократно уменьшилось и будто размножилось в несколько копий. Молодой человек обнаружил себя

на острие паники.

– Успокойся, Тео, – голос Эллонира приобрёл невероятную глубину, проникая в самые центры мозга и точно подчиняя волю Тео себе.

– Что я выпил?

– Сейчас это неважно, – фраза Рониса несколько раз эхом прокатилась по зеркальной комнате, – Расскажи мне о себе...

– Я учусь на лекаря, – машинально ответил Тео, точнее у него сложилось впечатление, что кто-то ответил его губами.

– Хорошо. А чем конкретно ты хочешь заняться?

– Я ещё не знаю. Но мне нравится терапия, сердечные и нервные болезни, но не люблю хирургию, – Тео удивлялся своей многоречивости и нарастающему чувству приятного головокружения, – сестра и дедушка, однако, хотят, чтобы я продолжал обучение в Академии Целительства, но меня терзают сомнения, – в голове Тео возник образ Фанимара и Ирмы.

– У тебя есть друзья?

– В детстве я считал своими друзьями трёх человек: Фанимара, Ирму и мачеху. А в семинарии я познакомился с Гвинэ, Гвинэ Рином, точнее, это он со мной познакомился, – Тео улыбнулся, сам того не желая.

– А твои родители?

– Мои отец и мать всегда были заняты собой и своими

делами больше, чем мною или Ирмой. Меня обижало это, да что там, и сейчас обижает...

– Чем ты занимаешься в свободное время?

– Плаваю... бегаю, – ответил Тео, но после забыл, что сказал мгновение назад, потеряв нить разговора, – о чём я говорил?

– Ты сказал, что плаваешь и бегаешь, – Эллонир несколько раз кашлянул, – Не старайся удержать что-либо в голове, просто говори, – посоветовал он.

– У меня с детства болезнь бронхов и нужно тренировать лёгкие, потому я занимаюсь спортом, но в последние месяцы много времени уходит на учёбу и работу.

– Ясно, – повисла пауза, – А Фанимар Калеста? – Эллонир Ронис резко сменил тему разговора, – Какие у тебя сейчас с ним отношения? Ведь ты сказал, что в детстве считал его своим другом. Сейчас что-то изменилось?

– Нет. Он по-прежнему мой друг и самый лучший советник, но я отдалился ото всех и обидел тем самым дедушку. Если бы я увидел его сейчас, то непременно попросил прощения...

– Ты знаешь, где сейчас Фанимар? Или, быть может, ты можешь предположить его местонахождение?..

Тео посмотрел в чёрные сверкающие глаза Эллонира Рониса и осознал, что забывает, где он, о чём говорит, и даже, кто он...

* * *

Казалось, что Тео слышал глубокий голос Эллонира Рониса где-то вдалеке, но уже не разбирал значения слов, производимых им, ровно, как не понимал и того, что говорил сам.

Из темноты небытия пред молодым человеком вдруг начали разворачиваться картины прошлого, они возникали, словно во сне, но были невероятно яркими и живыми.

Тео Калеста ничего толком и понять не успел, как им завладело одно странное воспоминание.

В прошлом году, в свой девятнадцатый день рождения, 25 мая, когда в Трэсматесе традиционно празднуют Фестиваль Весны и приход летнего тепла, Тео отправился гулять по вечернему городу, наводнённом наряженными в различные костюмы людьми.

В этот день в столице Дэмоса на каждом углу можно столкнуться с различного рода представлениями, бродячими музыкантами, фокусниками, циркачами, укротителями диких зверей, что привозят экзотических животных из дальних стран.

По улицам города витают пряные ароматы разнообразных яств, приготавливаемых в переносных шатрах или под открытым небом, запах костров и травяных чаев, томящихся над их жаром в огромных котлах.

Для тех, кто желает испить что-нибудь покрепче, предлагают холодное имбирное пиво, вермут или вовсе огненную воду.

Празднество длится до глубокой ночи, а некоторые про-

должают его до самого рассвета. Около полуночи на центральной площади Трэсматеса у Дворца Соборов и Храма Альдахора, что являются одними из самых высоких зданий во всём Восточном Пределе государства Дэмос, со своей речью к народу обращается монарх и представитель Вектра-ла – собрания духовенства.

После череды поздравлений, напутствий и пожеланий, сопровождающихся радостными криками и хвалебными воплями, с кораблей, пришвартованных у берегов Семиветряной Гавани, пускают фейерверк, что брызгами красочных огней разливается в синеве неба, оставляя после себя клубы белого дыма, пахнущего порохом.

Когда бурное веселье заканчивается, многие следуют ближе к берегу, где на воду отправляют пихтовые венки – знак, славящий богиню Имут, что есть истина, справедливость и равновесие всего сущего, а затем окунаются в море, которое, всё ещё сохраняя зимнюю стужу, становится священным в эту ночь.

При этом поются молитвенные песни, просящие у Имут Справедливой покровительства для людей живых и уже почивших.

Эти зачаровывающие слух звуки являются закономерным завершением шумного праздника, и именно эти звуки так явственно слышал сейчас Тео.

Будто это было вчера... Он брёл вдоль песчаного берега моря, одухотворённый волшебным пением, как вдруг уви-

дел около скалы расписной шатёр, из которого наружу рвался жёлтый свет.

Тео не знал почему, но казалось, что этот свет звал его, подобно тому, как огонь манит к себе мотыльков, которые точно безвольные странники неумолимо следуют к его теплу.

Молодой человек заглянул за парусиновую завесу, что ограничивала внутренне пространство, наполненное тишиной, от внешнего, где всё ещё витала аура шумного праздника:

– Здесь кто-нибудь есть? – ответа не послышалось, – Эй? – Тео переступил порог.

Всюду висело неисчислимое множество фонарей и коптящих свечей, отчего в шатре было светло и вместе с тем душно.

По разбросанным на полу пряным травам, которые источали одурманивающий аромат эфирных масел и необычному орнаменту, изображённому на полотнах ткани, разграничивающих шатёр на несколько изолированных помещений, Тео понял, что хозяин сего сооружения родом из южных земель.

Этот факт ничуть не удивил молодого человека, так как на Фестиваль Весны в Трэсматес приезжали с самых дальних уголков материка, в том числе из других городов и даже стран.

Тео медленным шагом мерил шатёр, внимательно изучая

его убранство, под тяжестью ног с хрустом ломались хрупкие стебли неизвестных высушенных растений, отчего запах от них становился более резким.

– Как твоё имя? – спросил тихий голос. Молодой человек резко обернулся, и хотел было принести извинения за то, что так бесцеремонно потревожил чей-то покой, войдя в шатёр без разрешения, но от увиденного Тео потерял дар речи.

Перед ним стояло высокое утончённое существо, сначала было не ясно, какого оно пола, но после Тео увидел женские очертания под полупрозрачной белой накидкой. Девушка была обрита наголо, а весь её череп, лицо, шею и руки украшали татуированные изображения символов.

– Меня зовут Тео, – в конце концов, промолвил молодой человек. Девушка улыбнулась и проследовала за деревянный столик. Жестом руки она пригласила Тео присесть напротив. После минуты колебаний, он принял приглашение, пытаясь сделать свой взгляд менее пристальным.

– Ты смущаешься? – спросила девушка. Она говорила с каким-то странным акцентом, которого Тео ранее никогда не слышал. – Северные люди слишком сдержанны и закрыты.

– Наверное, это из-за холода, – предположил Тео.

– Может быть, – протянула татуированная девушка и отвела глаза в сторону. Повисла неловкая пауза, но, похоже, таковой она была только для Тео, потому как девушка явно пыталась что-то понять для себя, будто хотела прочувствовать то, что являлось недостижимым для Тео. – Ты пришёл сюда

за ответами? – девушка вновь посмотрела на Тео, по спине которого поползли мурашки.

– Я не знаю, зачем я здесь, – покачал головой молодой человек, – я просто проходил мимо.

– В мире всё взаимосвязано, и ничего не происходит просто так. Положи ладони на стол, – сказала татуированная девушка, Тео беспрекословно подчинился. Она взяла его ладони в свои холодные бескровные руки и внимательно посмотрела на тыльную их сторону, точно хиромант. Тео почувствовал нарастающее напряжение в позвоночнике, что поднималось от его основания вверх, – не беспокойся, я знаю, что магия в Дэсмесе вне закона. Считай, что это лишь иллюзия, не более, – промолвила девушка, словно ощутив переживания молодого человека на себе.

– Хорошо, я постараюсь, – Тео глубоко набрал в грудь воздуха.

– Много сомнений в тебе, много скрытых обид и несказанных слов, что точат твой дух. Но всё это напускное, не истинное, ветер грядущих перемен увлечёт это, словно отжившую осеннюю листву и унесёт прочь. Не бойся и будь смелым, это пригодится тебе. Славь восходящее солнце и богиню жизни Элиджума, славь сияющую серебром луну и бога смерти Имдахира, ибо они покровительствуют тебе, ибо они распахнули для тебя двери мира во второй раз... Я вижу, что тебе даровано тяжкое бремя, но ты должен справиться с ним, иначе оно раздавит тебя. Ты ощущаешь связь со сво-

им отцом, но он слеп к тебе. Как его имя, Тео? – девушка оторвала взор от ладоней молодого человека и посмотрела ему в глаза, всё сжалось внутри Тео.

– Миколас, его зовут Миколас...

– Он даровал тебе могущественную кровь, древнюю и великую. Но эта кровь ещё дремлет, настанет час, когда она пробудится, и ты обязан быть готов к её пробуждению. Я сотворю на твоей плоти священный символ, что есть отражение души, он поможет тебе и станет оберегом, – девушка выпустила ладони Тео и вынула из ящика стола металлическое плоское блюдо, на него она высыпала серый сухой порошок и подожгла одной из тех восковых свечей, что стояли на расстоянии вытянутой руки. Порошок зашипел от огня и начал медленно тлеть, испуская густой белый дым, – это уменьшит боль, – объяснила девушка, – дыши как можно глубже, – она открыла стеклянную баночку со специальными чернилами, взяла в руки иглу и приступила к рисованию тату на правом запястье Тео.

Всё происходило так стремительно, что Тео не удалось дать согласие на подобные действия, либо напротив, отказаться от них.

Сначала молодой человек ощутил жгучую боль, но после она стихла, вероятно, благодаря тому сладковатому белому дыму, что заполнял шатёр дурманом.

Тео был гипнотически заморожен тем, как ловкие движения иглы преобразуются в узор из группы древних симво-

лов, о значении которых Тео даже не догадывался, окружавших знак бога Смерти – Имдахира, исполненный в форме его всевидящего Ока.

Он смотрел на рукотворчество татуированной девушки, а спустя мгновение его окружила тьма, из которой донёсся глубокий мужской голос, принадлежавший Эллонору Ронису:

– Тео? Тео? Ты слышишь меня? Ты в порядке? Сосчитай до пяти...

– Что? Один... три... Где я? Пять... – Тео не мог сконцентрировать мысли на чём-либо. Он видел, как тьма рассеивается и сквозь неё проглядывается зеркальная комната, силуэт Эллонора и его собственное отражение. Тео испытывал невероятное головокружение, воспоминания возвращались к нему постепенно и с неохотой.

– Что ты помнишь? – спросил Эллонор Ронис.

– Помню, как вы появились на пороге поместья, – начал медленно Тео, – помню дорогу с завязанными глазами, помню стакан со странной жидкостью и помню... – молодой человек осёкся, ибо осознал, что далее в его памяти следует пустота.

Он почти осязал воображаемую чёрную дыру у себя в голове, которая проглотила несколько часов, проведённых им в зеркальной комнате.

– Очень хорошо, – уголок рта Рониса поднялся вверх, изображая еле заметную ухмылку, – поиски Фанимара Ка-

леста отныне будут находиться в пределах компетенции Нуатрикса. Мы найдём его, Тео, – произнёс Эллонир, вставая со стула, – непременно найдем, где бы Фанимар не скрывался, – служитель Нуатрикса развернулся и пошёл прочь, а звонкие шаги его отполированных сапог ещё долго отзывались эхом в ушах Тео.

ГЛАВА 4. Лихорадка

Следующие несколько дней обитатели поместья Калеста ходили угрюмые и молчаливые, под стать хмурой погоде, что опустилась на город Трёх Холмов – Трэсматес.

Никто даже и не смел обсуждать то, что произошло в Нуатриксе, но каждый не мог отделаться от неприятных мыслей, а потому в одиночку переносил пережитое.

Ещё больше жителей особняка угнетал тот факт, что за домом велось круглосуточное наблюдение: ищейки Нуатрикса не смыкали глаз и не теряли бдительности, абсолютно игнорируя холод, ветер, а порой и снег с дождём.

Ирма и Тео посещали занятия, пытаясь вести себя непринуждённо на публике и сохранять свой обычный ритм жизни.

Ранида и Дорм с головой погрузились в домашние дела, чтобы меньше времени проводить в тревожных размышлениях, господин Дорм даже принялся чистить небольшой пруд в саду, заросший камышом и затянувшийся тиной, всем было ясно, что это занятие выбрано Дормом явно не по погоде.

Сандра пропадала на работе, в суде, появлялась в поместье ближе к полуночи, без чувств добиралась до ближайшего спального места – обычно в гостиной комнате – и мгновенно засыпала.

Миколас делал безуспешные попытки что-либо изобразить на полотнах, а Мелисса, наблюдая за безутешным мужем, всё чаще прикладывалась к бокалу.

Тео каждый вечер становился свидетелем беспокойства Ирмы, суетливо расхаживающей по дому и теребящей в руке медный ключ, который ей оставил Фанимар, и который она повесила на прочную нитку у себя на шее.

Ирма могла подолгу находиться в кабинете Фанимара, внимательно сортируя документы, записи и книги, которые госпожа Ранида любезно сложила на столе, когда убирала погром, устроенный, по-видимому, ищейками Нуатрикса, что в первый раз проникли в дом, не соизволив известить об этом его обитателей.

Нужно сказать, что во второй раз обыск состоялся более организованным, так как, когда госпожа Ранида осмотрела поместье, по возвращении с пристрастного допроса, то не обнаружила беспорядка, хотя многие вещи были расположены не на своих местах.

Ирму же волновало послание Фанимара, она мучительно вспоминала, где могла видеть тот пресловутый медный ключ, и для чего он был передан именно ей?..

К её несчастью, все попытки что-либо вспомнить были тщетны, потому Ирма практически всё время занималась бесцельным выискиванием хоть толики наводящей на нужный след информации, которая могла находиться в записях дедушки.

Тео же не мог сосредоточиться ни на чём, у него точно опустились руки после общения с Эллониром Ронисом, он мало спал, а оттого у него часто случались приступы болезни бронхов.

Упадочническое настроение, которое Тео всеми силами пытался скрыть в медицинской семинарии, резко контрастировало с почти экзальтированным состоянием Гвинэ Рина.

Гвинэ, по-видимому, был невероятно счастлив от того, что стал участником загадочных событий, в которые оказалось вовлечено семейство Калеста.

Тео не разделял переживаний друга, по существу, раздражавших его, в дополнение ко всему Рин не упускал момента, чтобы не задать очередной глупый вопрос Тео или пустить не менее абсурдный комментарий, идущий вразрез с основной темой разговора:

– А что ты ощущал, после того, как выпил их снадобье? – спросил Гвинэ Тео, когда они следовали с лекции по лекарствоведению на занятие по нервным недугам. Тео даже не посмотрел в сторону друга:

– Я не хочу об этом вспоминать, – бросил он.

– Вчера добрую половину дня провёл в библиотеке, – казалось, что Гвинэ не замечал или не хотел замечать того, что своим поведением сердит Тео, для которого сложившаяся ситуация вносила в привычный и размеренный жизненный ритм бурю неопределённости и проблем, – я слышал до этого, что Нуатрикс широко практикует использование «сыво-

ротки правды» – экстракта Амнезиса. Знаешь, симпатичное растение, – улыбнулся он, – кто бы мог подумать, что в таком миллом цветущем кустарнике столь сильнодействующие начала. Представь, выращивание Амнезиса регулируется законом, право на его культивирование отдано Нуатриксу, также как и получение экстракта из его цветков. Самое интересное, что поступление экстракта в организм вызывает чрезмерную болтливость и антероградную амнезию, то есть допрашиваемый не будет помнить, какие вопросы ему задавали и даже, что он на них ответил! Здорово? Правда?!

– Наверное, – Тео сдерживал себя из последних сил, – но только, когда ты не на месте допрашиваемого.

– Эхе, ну да. Но это так гениально! Удобно! Интересно, что мы рассказали им тогда? Но главное, неужели Фанимар вляпался в нечто ужасное, если его ищет Нуатрикс? А, Тео? Ты как считаешь?

В ответ Тео только промолчал, а Гвинэ, наконец, понял, что пора сменить тему. В это время они заняли места за столами аудитории и приготовились к занятию.

Однако, Тео всё же всерьёз волновала причина, по которой Нуатрикс не на шутку принялся разыскивать Фанимара, это было очень дурным знаком.

Полиция молчала, инспектор Тарий Нокст не отвечал на письма, а в управлении Тео и Ирме постоянно говорили, что его нет на рабочем месте, и что поиски Фанимара Калеста продолжаются, но любые их результаты не подлежат

огласке, в том числе близким родственникам профессора.

Данный факт вызывал у ребят бурю негодования, Ирма не отставала от Сандры с расспросами, ведь женщина имела доступ к различного рода правовой и юридической информации, но даже она не могла добиться ничего сколько-нибудь стоящего, ибо Нуатрикс оборвал все нити связей.

Постепенно на работе у Сандры начали возникать проблемы, строптивый характер всегда грозил женщине обернуться ей боком, но коллеги зачастую старались быть снисходительны, ставя на первое место высокий уровень профессионализма опытного законоведа.

Нуатрикс ограничил доступ Сандры ко многим делам и архивам, данные которых ранее женщина могла использовать в своих целях без всяких проблем.

В свою очередь Сандра переносила подобные лишения очень болезненно, она часто срывала гнев на дочери, настойчиво пытающейся выведать что-либо у матери и направить её к активному участию.

– Ирма, я тебе понятно объяснила?! – негодовала Сандра, – Фанимар натворил нечто очень серьёзное, я всегда знала, что когда-нибудь это произойдёт. Он никогда ничего не слушал и всегда отдавал своим исследованиям больше внимания, больше сил, больше времени, чем нужно, в ущерб всему остальному, в том числе в ущерб не только своей безопасности, но и безопасности собственной семьи.

– Я не верю в это! Дедушка нуждается в нашей помощи,

я уверена! С ним беда, и без нас он не справится, – Ирма никак не могла смириться с безразличием матери, которое она проявляла к собственному отцу.

– Нуатрикс это опасная организация. Если тебе дорога свобода и того больше жизнь, я советую бросить все эти твои копания в документах Фанимара и перестать докучать мне.

– Да как же ты так можешь?! Я не могу понять, почему в тебе столько эгоизма и хладнодушия?!

– Знай своё место, Ирма! Не тебе говорить мне об эгоизме, я с самого детства видела его, когда смотрела на Фанимара. Пойми, что в любой момент твои близкие или друзья могут оставить тебя, так как людьми движут самые абсурдные стремления, которые дороже им всего на свете, а ещё хуже, тебя могут предать. Ты молода, и со многим ещё не сталкивалась в жизни! Но поверь, её огонь может жалить очень больно. Никому нельзя доверять! Никому! У твоего деда своя жизнь! И он оставил нас потому, что его цели важнее, чем ты, важнее, чем Тео, чем я, так всегда было и будет! Не питай напрасных иллюзий!

– Ты не понимаешь!

– Это ты не понимаешь! Он играл в опасные игры, теперь пришло время платить.

– О чём ты говоришь? Ты что-то всё-таки знаешь? Или предполагаешь?

– Тема разговора себя исчерпала. Я советую тебе заняться учёбой и другими важными делами. Фанимар вернётся, ко-

гда всё успокоится или даст о себе знать, не зачем раздувать проблемы из ничего...

Ирма не дослушала слова матери, она бросила на Сандру взгляд, полный презрения, и стремительно пошла прочь, хлопнув за собой дверь гостиной так, что люстра на потолке в холле задрожала.

* * *

Не имея ни малейшего желания, находиться в одном доме с Сандрой, которая решила сегодня не идти на работу и воспользоваться законным правом на внеочередной выходной, Ирма захватила с собой кое-какие записи и отправилась в Духовную Академию.

В расписании у неё значилась только одна лекция по философии бытия, которые она посещала крайне редко, проводя отведённое на занятие время в редакции «Академического Вестника» – еженедельной студенческой газеты.

На протяжении всего пути до академии, в периферическое поле зрения Ирмы то и дело попадали силуэты: облачённые во всё чёрное служители Нуатрикса контролировали всякое перемещение членов семьи Калеста.

Казалось, что Нуатрикс абсолютно не волнует секретность, его сотрудники без каких-либо стеснений сопровождали девушку чуть поодаль, из-за этого она нервничала и раздражалась, но ничего поделать не могла.

Духовная Академия располагалась в живописном огромном здании, находившемся на побережье Семиветряной Га-

вани и некогда служившем храмом Дэйву Улле, которому, по легенде, богиня Нуарда преподнесла Кулон, наполненный её слезами и повелевающий стихией воды.

В былые времена, ещё до того, как первый камень был заложен под основание Трэсмадеса, жители Древнего Дэсмоса чтили Уллу, могущественного Дэйва, повелителя вод и покровителя Северных Земель.

В связи с этим в юном Трэсмадесе был выстроен Храм Уллы, так как традиция поклонения ему долгое время сохранялась, но позже люди утратили её и постепенно храм начал выполнять различные функции, но только не религиозные.

Сначала, он принадлежал городской ратуше, позже в нём действовал Вектрал – совет духовенства, затем Вектрал передал здание в распоряжение Духовной Академии.

Ирму всегда восхищала архитектура этого старого здания, часть которого сейчас находилась под реставрацией, однако сегодня девушка была слишком погружена в свои мысли, чтобы любоваться творением рук человека.

Погода стояла сегодня холодная и ветреная, из-за чего фонтан, окружённый вереницей статуй морских существ, на площади перед академией не работал. Ирма миновала его и, задумавшись, не заметила, как лицом к лицу столкнулась с белокурым высоким юношей, одетым в немного потрёпанное серое пальто.

– Прошу прощения, – сказал он из вежливости.

– Это вы извините меня, – улыбнулась Ирма.

– Куда-то спешите?! Опаздываете на занятия? – спросил молодой человек, и Ирма обратила внимание на круги усталости вокруг его сияющих глаз.

– Оу, нет, – отмахнулась Ирма, – я следую в редакцию «Вестника».

– Вы работаете в «Академическом Вестнике»? – просиял юноша, – моё имя Ардос Ифарр, – он протянул руку Ирме в знак знакомства.

– Да, – ответила девушка, протягивая руку в ответ.

– Просто я пришёл на встречу к Рокку Леене, это ваш главный редактор, насколько я понимаю, а его всё нет, хотя в переписке мы условились встретиться у фонтана, – Ардос огляделся по сторонам.

– Я не удивлена, что Рокк забыла о встрече, – заметила Ирма.

– Забыла? – удивился юноша, – Рокк девушка?

– Я бы сказала, что она была девушкой очень давно, – Ирма вспомнила тучную женщину, вольготно восседающую на своём истёртом до дыр кресле за столом, заваленным невесть каким хламом, из-за которого выглядывала лишь макушка её тыквообразной головы, обтянутой выцветшем платком, истинный цвет которого должно быть не помнила даже сама Леена, – идёмте со мной, я проведу вас.

– С радостью! – воскликнул Ардос. Он поправил свою на вид довольно тяжёлую сумку, и они оба двинулись в сторону академии.

– А вы по какому вопросу?

– Я прибыл с острова Валимад.

– Хм, край не близкий, нужно заметить.

– Это точно, но, не смотря на то, что Трэсматес южнее, у нас намного теплее, – Ардос поправил шарф на своей шее, – я, признаюсь, не ожидал такого приема от столицы, весь продрог.

– Вскоре к нам придёт тепло и Семиветряная Гавань вся расцветёт. Так что вас привело в город Трёх Холмов?

– Сейчас, подождите, – Ардос остановился и принялся что-то настойчиво искать в своей сумке, – я здесь в поисках одного человека, – Ирма вдруг представила Фанимара и сердце её совершило кувырок, – руководитель журнала, в котором я работаю, знаком с Рокк Леена, который, точнее, которая обещала нам помочь в журналистском расследовании. Я довольно долго переписывался с Рокк и вот, наконец, прибыл на аудиенцию. Ах, вот он где! – юноша вынул листок бумаги и протянул Ирме.

На листке была наклеена вырезка страницы со статьёй из журнала «Валимад Хроник». Статья была написана на ур-габадском языке, государственном наречии Дэсмаса, однако островной диалект Ирме был малоизвестен, потому она смогла понять смысл только названия статьи:

«Чудесное спасение».

– Извините, Ардос, – Ирма вернула листок юноше, – я плохой знаю диалект Валимада, – неловко добавила она.

– Ах, да! Я долго привыкал к нему.

– Так что там? В этой статье? – спросила Ирма, когда они переступили порог академии.

– Видите ли, 24 марта сего года, у берегов Валимада военным кораблём был подобран человек, якобы потерпевший кораблекрушение. По словам очевидцев спасённый был изнеможен и, как он сам рассказывал позже, находился в море на ветхой шлюпке около 30 дней. Представляете? В открытом море!

– Действительно, чудесное спасение.

– Да, но интересно другое. Этот человек, к сожалению, имя его так и осталось для меня неизвестным, в конце обзвонил от тех испытаний, что выпали на его долю. Говорят, что он твердил о каком-то проклятом острове, с которого ему посчастливилось сбежать. Мне лично не удалось побеседовать с ним, я интервьюировал моряков, что вытащили его из тисков смерти. Они уверили меня, что никогда не видели, чтобы человек был так чем-то напуган.

– А что произошло с ним после? Почему вам не удалось побеседовать с ним?!

– Чуть позже я выяснил, что его отправили на материк, в Трэсматес, так как безумие несчастного вышло из-под контроля врачей Валимада, а с медициной в вашем городе мало, кто сможет соперничать.

– Но неужели никто не смог назвать его имя?

– Это удивительно, согласен. Но действительно, имя это-

го человека неизвестно, члены военного корабля, которые спасли загадочного господина, сказали мне, что он сам не в силах был назвать своё имя, ибо рассудок оставил его. А в лазарете, где он проходил лечение, вообще отказывались предоставлять какую-либо информацию посторонним.

– Бедняга, что же так повлияло на него. Возможно, трагичность кораблекрушения?

– Трудно представить, ведь я много раз писал статьи о кораблекрушениях, общался с выжившими. Да, эти люди долгое время находятся в тяжёлом потрясении, но всё же адекватны. Я предполагаю, что этот человек – член экипажа торгового судна «Имида», которое отправилось из порта Гирос 10 февраля, но так и не прибыло в город Ингиррат в урочное время. Оно исчезло и, скорее всего, ныне покоится на дне морском.

– Какой ужас! Так вы хотите найти этого господина в Трэсматесе? У нас ведь очень много больниц и госпиталей, на это уйдёт уйма времени.

– Я знаю, особенно, если учесть, что попасть в медицинские учреждения людям нашего ремесла очень нелегко. Поэтому мой руководитель и обратился за помощью к Рокк Лене, которая в любом случае имеет полезные знакомства с другими журналистами и редакторами в Трэсматесе.

– Надеюсь, она, в самом деле, поможет вам и вы найдёте то, за чем приехали, – сказала Ирма, распахивая тяжёлые двери редакции. Она так увлеклась беседой, что не замети-

ла, как быстро они преодолели череду коридоров и лестничных пролётов, лежащих на пути к обители «Академического Вестника».

– Я тоже на это надеюсь, – выдохнул Ардос, – путь сюда оказался не близким и беспокойным. Хотелось бы, чтобы он был пройден не зря, – юноша и Ирма остановились.

– Я, пожалуй, пойду к себе. Не хочу встретить Рокк, она обычно всегда портит настроение.

– Мы ещё встретимся?

– Возможно, я бываю в редакции довольно часто.

– Тогда, до встречи, – улыбнулся Ардос.

– До встречи, – в ответ улыбнулась Ирма.

Девушка проследовала к своему рабочему месту, представленному письменным столом, ограждённым со всех сторон деревянными перегородками и составляющим с ними единую секцию.

Ирма вынула наброски записей, села за пишущую машинку и приступила к написанию статьи, посвящённой Фестивалю Весны и приуроченной к празднику Имут Справедливой.

Она просидела за работой не менее часа, но статья никак не хотела вырисовываться: Ирму постоянно не удовлетворяло если не содержание, то сам слог изложения.

Девушка собиралась уже бросить эту затею и отправиться куда-нибудь перекусить или прогуляться, как её вызвала к себе в кабинет Рокк Леена.

«Только этого мне не хватало», – подумала Ирма.

В полутёмном кабинете главного редактора пахло сыростью и старостью, а на просевшем диване сидел Ардос Иффарр, который при виде Ирмы расплылся в улыбке.

– Здравствуй, Ирма, – просипела Рокк и несколько раз тяжело кашлянула, – ты уже познакомилась с нашим коллегой из «Валимад Хроник»? – Ирма одобрительно кивнула, – я временно освобождаю тебя от написания статьи, с этим ещё дозволено помедлить.

– Что? Но госпожа Леена! У меня уже столько переработанного материала, я обещаю, что через два-три дня черновой вариант будет у вас на столе, просто я не успеваю...

– Не так быстро, дорогая, – Рокк остановила Ирму жестом руки, – мне стало известно о Фанимаре. Сочувствую тебе. Надеюсь, твой дедушка вскоре объявится, – Ирма опустила глаза, – но, тем не менее, у тебя отныне другое задание. Ардосу нужна помощь, он никогда не был в Трэсматесе, ему необходимо отыскать достойное жильё и оказать содействие в поисках того, что привело его в наши края. Средства на всё предоставит наша редакция, потому не волнуйся на этот счёт.

Ирма перевела взор с мутных выпученных глаз Рокк Леены на радостного Ардоса Иффарра.

* * *

После того, как занятия в медицинской семинарии подошли к концу, Тео Калеста, с трудом отвязавшийся от назойливого Гвинэ, отправился в больницу святой Ангрии.

На цокольном этаже Тео натянул на себя халат и прямым пошёл в кабинет своего наставника, он постучал, как обычно, и услышал в ответ гулкий бас Нэмоса Варда, призывавший входить.

– О, Тео, наконец-то! – воскликнул Нэмос и подорвался с места, – Ты-то мне и нужен. Ступай за мной! – Варда резко схватил молодого человека за плечо и вывел в коридор.

– С чем связана такая спешка?!

– Минут сорок назад к нам поступила необычная пациентка. Симптомы: высокая лихорадка, нестабильный сердечный ритм, делириозное помрачение сознания. Но сейчас сам всё увидишь. У тебя же есть отметина на правом запястье? – внезапно спросил Нэмос.

– Эмм... Да, если вы о татуировке? – Тео немного растерялся.

– Именно о ней, – подтвердил Варда, не сбавляя шага, за которым Тео еле поспевал, – так, я назначил девушке 3 миллилитра паральдегида перорально, для общей седации и обтирание 9% яблочным уксусом для снижения температуры. Далее, решим вместе, – Нэмос с силой распахнул дверь, ведущую в отделение терапии, и до Тео тут же донеслись чьи-то безумные крики, доходящие до хрипоты:

– МНЕ НУЖЕН ЧЕЛОВЕК! ЧЕЛОВЕК С ТАТУИРОВКОЙ! ГДЕ ОН?! ПРИВЕДИТЕ!!!

Тео и наставник вошли в палату. Молодой человек ощутил неприятный холод, предвещавший нечто плохое, Нэмос

Варда отодвинул в сторону ширму, которая ограждала кровать.

Тео увидел, что на больничной койке, полусидя и иступлено вопя, находится молодая девушка. На вид Тео не дал бы ей больше двадцати пяти лет. Она была столь перевозбуждена, что почти рвала на себе волос: длинный, прямой и жесткий точно леска, цветом воронова крыла, что так неестественно контрастировал с молочно-белой кожей пациентки.

Тёмно-карие глаза девушки пылали безумием и, вместе с тем, каким-то незримым манящим огнём.

– Господин, Варда, она не выпила лекарство и не даёт натереть себя уксусом, – сказала медицинская сестра с горечью в голосе. Она занималась тем, что подбирала с пола осколки стакана, который вероятно разбила яростная пациентка.

– Рамла! – обратился Нэмос к черноволосой девушке, не перестававшей кричать, – Так же твоё имя?! Ты слышишь меня?!

– МНЕ НУЖЕН ЧЕЛОВЕК С ТАТУИРОВКОЙ!

– Я привёл его, но ты должна принять лекарство, которое поможет тебе, – девушка проигнорировала обращение Нэмоса, она точно дикая кошка прыгнула с кровати на Тео и схватила его за правую руку.

Юноша отстранился, но попытался сохранить спокойствие, ибо уже имел дело с умалишенными.

Рамла устремила свой взор на татуировку, будто хотела увидеть в ней больше, чем могли позволить глаза. Затем она

упала на колени перед Тео и облегчённо заплакала, словно, наконец, нашла то, что так долго искала.

Тео наклонился к девушке и поднял её за плечи с холодного каменного пола, она прильнула к молодому человеку и, казалось, что успокоилась.

Нэмос Варда и медицинская сестра наблюдали за тем, как Тео бережно ведёт Рамлу к больничной койке, и как та покорно слушается его.

– Тебе нужно выпить кое-что, от этого ты сможешь уснуть и отдохнуть, – тихо промолвил Тео, а девушка в ответ кивнула, вытирая слёзы рукавом белой накидки.

– Двойную дозу, – прошептал Нэмос на ухо медицинской сестре.

Девушка развела 6 миллилитров паральдегида в молоке и протянула Рамле:

– Я отыскала тебя, – сказала она, глядя на Тео переливающимися глазами. Рамла залпом выпила раствор и вскоре крепко уснула, не то от того, что так быстро подействовало лекарство, не то от того, что абсолютно выбилась из сил...

ГЛАВА 5. Сила Алых Камней

– Старший магистерий, вы не находите это совпадение до крайности странным? – спросил Тео Калеста наставника, когда они оба вернулись в его кабинет, удостоверившись, что Рамла глубоко погрузилась в лекарственный сон.

– Так может показаться, дорогой Тео, – спокойно ответил Нэмос, – но ты должен понимать, что помрачённый рассудок таинственная и логически трудно понимаемая вещь. Эта девушка тяжело больна, и мы должны помочь ей, вот, что я вижу сперва. Совпадение ли то, что она искала некоего человека с татуировкой и то, что у тебя есть этот знак на руке? Думаю, это очевидно. Главное, что Рамла так не считает, а это поможет нам в её лечении, потому как мы получили ключи доступа к её сознанию, и эти ключи – ты сам.

– Да, вы правы, – согласился Тео, не сумев отыскать аргументы против.

– Теперь нам с тобой нужно определиться с диагнозом и схемой лечения. Помрачение рассудка это привилегия отделения психиатрии, однако, высокая лихорадка не позволяет мне перевести Рамлу туда. Вместе с тем, я не вижу явных причин лихорадки, никак других симптомов инфекционной болезни мною не обнаружено, тем не менее, в целях предосторожности, я поместил девушку в отдельную палату и распорядился обрабатывать помещение карболовой кисло-

той раз в сутки.

– Я считаю, нужно попытаться снизить температуру тела не только с помощью обтирания яблочным уксусом, но и начать применение салицилата натрия.

– Я с тобой полностью согласен, но причина лихорадки пока мне не ясна, а без неё, жаропонижающая терапия будет носить лишь симптоматический характер. Но, возможно, что именно лихорадка вызвала делирий, а потому нам необходимо эмпирическим путём подбирать схему лекарственной терапии.

– А что известно о пациентке? У неё есть родственники, родители?

– Рамла сама пришла к стенам больницы святой Англии и подняла такой шум, что на крики сбежалась добрая половина персонала. Мне не удалось извлечь из разговора с ней ничего, кроме имени. Девушка была одета в какие-то старые лохмотья, абсолютно босая, я удивлён, как она не застудила ноги в такой холод, потому и не исключаю инфекцию, но нет никаких признаков пневмонии, другой респираторной инфекции или инфекции мочевых путей, так же нет знаков огненной болезни. Я в замешательстве, Тео. Не помню я подобного на своей практике, – Нэмос был явно обеспокоен сложившейся ситуацией.

– Наставник, я думаю, нужно придерживаться вашего плана. Будем следовать эмпирически и наблюдать за состоянием девушки.

* * *

– Я не желаю быть вам обузой, Ирма, – сказал Ардос Ифарр, закрывая за собой дверь кабинета Рокк Леены, – если вам не по душе её поручение, – он обернулся назад, – я пойму и попытаюсь сделать всё самостоятельно, я часто путешествую и не растеряюсь.

– Всё в порядке, – успокоила Ардоса девушка, – раз уж мы теперь заодно, необходимо перейти на «ты».

– Хорошо, согласен, – улыбнулся молодой человек.

– Так, сейчас я отведу тебя в академическую столовую, перекуси, там очень вкусно готовят. А мне нужно будет уладить кое-какие дела, чтобы затем посвятить тебе остаток дня.

– Договорились.

– Я приду за тобой через полчаса, – Ирма взглянула на циферблат своих карманных часов.

Академическая столовая находилась в полуподвальном помещении, освещаемом лишь восковыми свечами в канделябрах.

Ардос проследовал к свободному столу, коих оказалось много в это время, а Ирма покинула стены Духовной Академии, так как хотела претворить свой замысел в жизнь.

Около входа – что её нисколько не удивило – девушка встретила служителей Нуатрикса, прогуливающихся около фонтана и вдали, у сквера.

Ирма сделала вид, что ничего не замечает, она не хотела, чтобы люди в чёрном видели её с журналистом «Вали-

мад Хроник» вместе, так как это само по себе привлекло бы на Ардоса нежелательное внимание Нуатрикса, и его расследование могло бы застопориться.

Девушка семенящим шагом направилась в сторону веще-вой ярмарки, которая каждый день разворачивалась недалеко от Духовной Академии, и где Ирма часто прогуливалась после занятий перед тем, как отправиться домой.

Ярмарка была наводнена всюду снующей толпой, потому затеряться здесь не стоило больших усилий.

Ирма видела, как забеспокоились ищейки Нуатрикса, когда она начала резко менять направление своего передвижения меж торгующих лавок и ускорять шаг.

Вскоре девушка скрылась в одной из лавок, где пожилой мужчина торговал париками.

Ирме пришлось пожертвовать третью вырученных в редакции средств на приобретение одного из них. Она решила взять огненно-рыжий парик средней длины, который смог бы радикально изменить её образ.

Затем, убедившись, что по близости нет людей в черных одеждах, Ирма покинула лавку с париками и спокойным шагом проследовала к магазинчику женской одежды.

Там она купила длинное светло-серое платье, шерстяную накидку на плечи и чёрную широкополую шляпу.

Лишь после того, как Ирма полностью замаскировалась, она двинулась к выходу с ярмарки, но покидала её с противоположной стороны.

Девушке пришлось сделать крюк, чтобы вернуться к Духовной Академии, около здания она увидела пару ищеек Нуатрикса, но ни один из них не обратил внимания на рыжеволосую даму, облачённую в неброское монокромное одеяние.

«Вот и отлично», – подумала Ирма.

К тому времени, как девушка спустилась в столовую, Ардос уже закончил трапезу и что-то записывал в свой ежедневник, попивая горячий кофе с молоком.

Как и следовало ожидать, молодой человек не сразу узнал Ирму в новом облачении и сильно удивился выходке девушки, отчего в неловкости засмеялся.

– Что ты смеёшься? – Ирма пыталась задать вопрос с укором в голосе, но ей самой стало забавно, – Пошли! У нас много дел! По пути всё расскажу.

Ирма поведала Ардосу историю об исчезновении своего дедушки и то, что всё семейство Калеста допрашивал Нуатрикс с использованием экстракта Амнезиса.

– И теперь они следят за тобой? – изумился Ардос.

– И не только за мной, – бросила Ирма и, немного помедлив, добавила, – ну что, теперь моя очередь задать закономерный вопрос: а я не стану тебе обузой? Ты не боишься проблем с Нуатриksom?

– Нет, Ирма, не думаю, – после минуты колебаний ответил юноша, – ты же мастер маскировки, – добавил он, – и твоя помощь мне инкогнито.

– Будем в это верить.

Первым делом Ирма определила Ардоса в гостиницу, а затем они решили согреть себя парой кружек горячего напитка в Чайной госпожи Лиры.

Это было небольшое уютное заведение с маленькими круглыми столиками, в котором подавали вкусные десерты и ароматные чаи всех сортов.

Помимо всего прочего, чайная госпожи Лиры также славилась многочисленными скульптурами из дерева, которые удивительно талантливо были исполнены ныне покойным мужем хозяйки.

Скульптуры создавали невероятно тёплую и уютную атмосферу, смешивая запах дерева с пряными флюидами трав и приятными нотами молока и ванили.

– Сегодня я поговорю со своим братом, – сказала Ирма Ардосу, – он работает в больнице святой Англии, быть может, ему удастся узнать что-нибудь, а завтра обращусь к Ористу Нилу, это друг детства моего дедушки, он главный врач в Военном Госпитале Трэсматеса. А уже после, если не будет никаких результатов, прибегнем к знакомствам Рокк Леены.

– План не плохой. Обнадёживает, – подметил Ардос.

Они заказали блинчики с кленовым сиропом и чай с лимоном и мятой.

– Так сколько тебе лет, если не секрет? – спросила Ирма.

– Не секрет, двадцать четыре.

– И сколько ты посвятил работе в «Валимад Хроник»?

– Пять лет. Я родился и вырос в городе Инанке, посту-

пил в Университет Языков, а на последнем курсе перевелся с факультета филологии на факультет журналистики и уехал на остров Валимад, где продолжил обучение. Параллельно начал работу в редакции журнала, за пять лет много где довелось побывать, ничего не могу сказать плохого о своей работе, кроме, пожалуй, того, что до сих пор не могу свыкнуться с островным диалектом.

– Что ж, в любом случае не плохо. Надеюсь, мне тоже доведётся попутешествовать, хочу поучаствовать в археологических раскопках, всегда интересовалась историей, эту любовь привил мне Фанимар.

– Тогда тебе нужно было поступать на факультет археологии, а насколько я осведомлён, его нет в Духовной Академии?

– Дедушка направил меня учиться сюда, изначально я планировала поступать в Академию Древности. Но Фанимар сказал, что некоторые дисциплины этих учебных заведений смежные, а потому я смогу по окончании заниматься тем, чем посчитаю нужным, только с разницей, что Духовная Академия предоставит мне членство в Вектрале и все отсюда вытекающие привилегии духовенства.

– Проницательный у тебя дедушка и практичный.

– Да, это так, – с грустью согласилась Ирма.

– А чем любишь заниматься в свободное время?

– Сочинительство. Пишу пьесы и рассказы.– Ирма внезапно заметила, что за ними пристально наблюдает моло-

дой человек за соседним столиком. Однако он не был похож на ищейку Нуатрикса. Молодой человек, по-видимому, увидел, что на него обратила внимание Ирма, и отвёл взгляд в сторону.— Мне не нравится, как тот тип смотрит на нас, только не оборачивайся, — шепнула она Ардосу.

После того, как девушка закончила фразу, незнакомец поднялся со стула и направился к их столику.

— Не поймите меня превратно, — елейно пропел он и присел рядом, — но в Чайной госпожи Лиры вы можете столкнуться с очень увлекательными вещами.

— О чём вы? Что вам нужно? — недовольно спросила Ирма и, скорее всего, весьма грубо, потому что новоявленный собеседник неловко замолчал.

— Вас интересуют тайны? — продолжил незнакомец после того, как проглотил смятение, — вы хотите найти ответы на вопросы, которые порой задавали себе, но боялись признаться в этом? — он говорил так, словно сказанная речь была заранее заучена, а оттого сами фразы звучали из его уст избито и откровенно фальшиво.

— И как нам реагировать на это? — вступил в разговор Ардос.

— Только своими поступками и только своим выбором, — молодой человек достал из кармана небольшую карточку из красного картона, — приходите, будет интересно. Обещаю, что не пожалеете, — он оставил карточку на столе и с быстротой звука удалился из Чайной.

– Сила Алых Камней и то, что было до неё, лекция-представление, улица генерала Хогра, дом 47, – вслух прочёл Ардос, – и что это за бред? – он отбросил в сторону красный кусочек картона.

– О, Ардос! – воскликнула вдруг Ирма, – кажется, я знаю, о чём речь. Нам повезло, – девушка схватила карточку, натянула шляпу и выбежала прочь, на свежий воздух, а Ардос, лишённый выбора, последовал за ней, оставив на столике несколько монет.

* * *

Уже начинало смеркаться, когда Ирма и Ардос сумели добраться до улицы генерала Хогра.

Трэсматес не спеша погружался в вечернюю атмосферу искусственного света фонарей, но улица генерала Хогра оставалась тёмной и мрачной: складывалось впечатление, что люди вовсе старались обходить её стороной.

На протяжении всего пути, Ирма так и не смогла вразумительно объяснить Ардосу свои догадки.

– Ты не считаешь, что это не лучшая идея? – спросил юноша, озираясь по сторонам неприветливого переулка.

– Не беспокойся, нам только нужно отыскать дом 47. Ты не видишь его?

– Нет.

Ирма ходила из стороны в сторону с карточкой в руке, издалека похожей на окровавленный лоскут, что девушка в черной шляпе оберегала, точно зеницу ока. Стороннему

наблюдателю подобная картина показалась бы как минимум странной, но последнее мало волновало Ирму.

Девушка не могла понять: нумерация зданий на этой улице заканчивалась на доме 46, а, судя по их обветшалому виду, было ясно, что они давно покинуты, и спросить о неясном адресе некого.

– Давай присядем где-нибудь? – предложила Ирма Ардосу. Она, недолго думая, подошла к одному из строений и примостилась на ступенях крыльца.

– Чего ты хочешь добиться?

– Кто-нибудь ещё непременно придёт на эту лекцию, и мы последуем за ним.

– Почему ты так уверена в этом?

– Я знаю, вот и всё. Я слышала о подобных мероприятиях, они проводятся в тайне, и на них не просто попасть, нам повезло. Вероятно, мы вызвали доверие у того молодого человека, что отдал нам это, – Ирма помаячила красной карточкой перед глазами Ардоса.

– Название напоминает урок естествознания, – ухмыльнулся юноша.

– Я думаю, что почти так и будет, как урок естествознания, только более правдивый.

Ардос ничего не возразил. Они какое-то время сидели в молчании до тех пор, пока действительно, как и предполагала Ирма, на улице не возникли три силуэта.

Трое остановились посреди улицы, осмотрелись по сто-

ронам, и никого не увидев в вечерних сумерках, двинулись к одному из домов.

Ирма живо подняла Ардоса на ноги, и оба побежали туда, куда только что вошли трое.

– Дом 11, – констатировал Ардос, всматриваясь в табличку на двери.

– Ну да, всё верно! – радостно воскликнула Ирма, – в карточке указано: дом 47, сумма цифр это 11. Стоило бы самим догадаться и проверить дома 11 и 2, ведь это их распространённый трюк, так я слышала.

Девушка отворила дверь, и они вошли в темноту. В доме стоял резкий запах плесени и слышалась какая-то неприятная возня мышей в обветшалых стенах.

В полутьме показался высокий образ человека, лица которого не представлялось возможности разглядеть:

– Ваша пригласительная карта? – спросил он. Ирма немного помедлила, но затем, сообразив, протянула ему красную карточку. Человек взял её в руку и отошёл в сторону, он зажёл свечу, стоящую на деревянном табурете, поднёс карточку к пламени и внимательно изучил. Лицо его по-прежнему оставалось в тайне, так как он повернулся к вошедшим спиной. Затем он задул свечу, – всё ясно. Следуйте за мной.

Человек провёл Ирму и Ардоса сквозь дом и вывел их на задний двор через чёрный ход, а потом велел идти прямо, до самого леса, что тёмной стеной возвышался впереди.

Ирма поблагодарила неизвестного человека, а затем, подталкивая Ардоса, двинулась по заросшей травой тропинке.

По мере наступления ночи становилось холоднее, и этот холод наиболее явно ощущался вблизи леса, где под сенью деревьев волглый воздух замирал в ожидании, когда его покой нарушат.

В лесу было очень темно, но ребята видели меж могучих стволов деревьев танцы языков манящего пламени.

Когда они приблизились к ним, то смогли разглядеть масштабы готовящегося представления.

На обширной прогалине были установлены ярусы деревянных конструкций, служивших, по-видимому, местами для сидения, так как значительная их часть уже заполнилась зеваками.

Вокруг по периметру сооружения стояли небольшие шатры, где продавали горячие напитки и жареные орехи, чуть поодаль пылали костры – путеводители и источники богатого тепла.

– Ого! – изумлённо выдохнул Ардос. – Что же это за мероприятие такое?

– Увидишь. Нужно взять себе горячего шоколада и найти удобное место, – предложила Ирма.

Однако отыскать свободную скамью оказалось не простой задачей, держа в руке горячие напитки и пытаясь протиснуться сквозь узкие проходы, наводнённые толпой: в основном молодыми людьми и девушками.

Вскоре Ардосу и Ирме удалось всё же занять удобное положение, откуда открывался вид на высокие подмости, зашторенные полотнами ткани.

Всюду стоял галдёж и суматоха, скамьи неумолимо заполнялись притоком новых посетителей-слушателей, а тьма вокруг разворачивающегося действия приобретала чернильный оттенок.

Затем послышался громкий свист и тут же народ умолк, повисла тишина. Со скрипом и скрежетом занавес распахнулся.

На сцене стояла высокая трибуна, около неё – большой деревянный стол, на правом краю которого располагался гигантский стеклянный аквариум наполненный водой, левая половина стола была свободна, но закрыта тёмным платком, скрывающем нечто.

В стеклянном сосуде Ирма разглядела металлическую конструкцию, напоминавшую равноплечные весы, на чашах которых покоились иссиня-чёрные необтесанные камни.

На платформу вышел невысокий мужчина, он был сед, но кожа его оставалась молодой и гладкой. Мужчина окинул всех странным жажущим взглядом, от которого Ирме стало не по себе. Девушка заметила, что мужчина необычным образом улыбается, будто демонстрируя свой оскал. Он поднял руки на уровень солнечного сплетения и сомкнул ладони так, что образовал треугольник, смотрящий вниз.

– Вы явились сюда в этот день не потому, что были при-

глашены, – сказал он громко, – вы пришли лишь благодаря своему внутреннему стремлению, зову воли и судьбы, в надежде, что каждый из вас, – мужчина медленно, почти танцующим шагом, двинулся по краю сцены, – выйдет из тьмы невежества на свет мудрости, – он замолчал, наблюдая за реакцией собравшихся. – Вам известно, что это? – человек указал рукой на стеклянный аквариум, не отрывая взора от публики.

– Да, – ответили многие из собравшихся. Мужчина вновь неестественно улыбнулся.

– Это Алые Камни, знакомые нам ещё с уроков естествознания. Ныне их сила используется нами для обогрева, для передвижения и даже для создания оружия и ведения войн, – человек подошёл к сосуду и опустил вниз рычаг, закреплённый под столом. Металлическая конструкция, погруженная в воду пришла в движение: две её чаши с камнями медленно начали приближаться друг к другу.

Спустя мгновение, зрители увидели, как ядро камней разгорается алым свечением, охватывающим их полностью. Затем неистовое зарево объединилось в единый пульсирующий шар, почти слепящий исходящим от него жаром.

– Алые Камни – это драгоценное и очень редкое ископаемое, – продолжил мужчина, тем временем вода в аквариуме начала будто вращаться вокруг светящейся сферы и пузыриться, – когда они находятся поодиночке, то ничем не отличаются от бульжников, коими вымощены улицы Трэсматеса.

Однако стоит приблизить их друг к другу или разделить один надвое, то их энергетические поля образуют связь сцепления и высвобождают заключённую в них силу в форме светового и теплового излучения. Вам, надеюсь, ещё со школьной скамьи известно, что Алые Камни – носители Инэстума, энергии, которую, по преданию, богиня Ирстэд даровала людям, и которая однажды чуть не уничтожила древние цивилизации, ибо сила её велика и разрушительна. Она пожирает всё, чего коснётся, если вырывается из-под контроля.

Вода в стеклянном сосуде уже начала кипеть и плескаться, а над самым аквариумом поднимался столб пара, что устремлялся вверх и терялся в ночном небе.

– Но Алые Камни таят в себе и другую опасность: когда они холодны и мертвы точно лёд, невидимые, неосязаемые флюиды, разливающиеся вокруг них, наносят вред живой плоти, и могут вызвать алую болезнь, от которой нет исцеления, – мужчина говорил, а кипящая вода уже начала выплёскиваться наружу, – и чем больше размер камней, тем сильнее и губительнее их влияние, – человек вновь подошёл к рычагу и поднял его вверх: чаши механизма приступили к обратному движению. По мере отдаления Алых Камней друг от друга они тускнели, а вода переставала так интенсивно бурлить. Вскоре свет погас, камни приобрели иссиня-черный цвет, как до начала демонстрации, свидетельством которой являлись лишь тонкие струйки поднимающегося пара. – Энергия Инэстума, сконцентрированная в камнях не бесконечна, она

истощается со временем, тогда Алые Камни навеки гаснут и превращаются в бесполезные куски ненужной руды. Именно поэтому те, кто владеет Алыми Камнями, обладает властью, могуществом и деньгами. Они владеют этой силой! – воскликнул человек гневно, указывая в никуда и подразумевая правительство Дэмоса. – А вы платите им за их владение! Вы платите им за то, что по праву принадлежит каждому, – он провёл рукой по воздуху, будто на расстоянии касаясь всех присутствующих. – Вы рабы, беспрекословно внимающие их словам! – Мужчина замолк и некоторое время каким-то жутким, но довольным, взглядом испепелял зрителей. – В начале мира не было Инэстума, – продолжил он спокойно, – до явления этой силы существовала лишь чистая, универсальная энергия Абсолюта, Сияние Маджи или Бессмертный Свет, что сделал наш мир зримым, и его могущественная ипостась, возникшая в форме Магии... – среди присутствующих прокатилось беспокойное перешёптывание. – Вы боитесь? – усмехнулся человек, – боитесь, что вас арестуют, что вас подвергнут бесчисленным допросам, что вас и ваши семьи казнят? Да, я вижу тень страха в ваших глазах. Они запугали вас, они запретили Магию, они сломали вашу волю! А знаете, почему? – он вопросительно обвёл всех взором, – потому что они не могут её контролировать. Магия вне их власти, ибо она сама есть власть. Она – могущественная сила, доступная всем, кто откроется ей, за неё не нужно платить, её не нужно добывать, за неё не нужно

умирать. Древние цивилизации Эсфероса и Иджумада знали это, они поклонялись богине Хадор – воплощению Магии, древние люди обучались использовать её силу, но их знания были преданы забвению с приходом владычества Северных Людей, устранивших могущества Магии. И теперь, столетия спустя, в современном Дэсмесе, даже упоминание о ней грозит заключением или смертью. Но вы серьёзно считаете, что правительство не прилагает никаких усилий, чтобы постичь тайну Магии?! Я хочу разуверить вас, пресловутый Арканарикум, о существовании которого так много споров, втайне занимается исследованием Магии, правительство желает подчинить Магию, создать средство контроля над ней. А теперь смотрите!

Человек подошёл к противоположному концу стола и сорвал с неё темный платок, скрывавший поднос, на котором лежал ещё один Алый Камень и небольшой молот рядом с ним. Мужчина взял молот, замахнулся им и расколол камень на несколько частей, тут же возымело их сцепление, загорелся яркий свет, но в отсутствии воды исходящая энергия создавала неприятную вибрацию вокруг, а отвратительный жужжащий звук заставил всех съежиться.

Мужчина воздел свою длань над горячим огнём силы Инэстума, он закрыл глаза и в тот же миг вибрация и неприятный звук прекратились, а после алое сияние точно изошло из камней и поднялось к ладони человека в форме шара. Алые Камни потухли, пожертвовав энергией, заключённой

в них.

Зрители изумлённо загалдели, некоторые даже приподнялись со своих мест, чтобы лучше разглядеть происходящее и удостовериться, не иллюзия ли это.

Мужчина развёл руки в стороны и алый огонь сияющей рекой потёк из одной ладони в другую, творя над сценой высокую пылающую арку, от которой веяло тёплом.

Человек что-то надрывно воскликнул и сомкнул ладони над своей головой, раздался грохот, подобный пушечному выстрелу: огненная стрела устремилась в небо и растаяла во мраке.

Мужчина какое-то время стоял неподвижно, устремив взор ввысь, вся публика застыла в смятении. Потом человек опустил руки и посмотрел на удивлённые лица толпы:

– Это Магия, – сказал он, – Она могущественна настолько, что способна управлять даже Инэстумом. Сила Алых Камней в сравнении с ней ничто...

ГЛАВА 6. Орист Нил

Орист Нил не находил себе места, он уже выкурил половину пачки сигарет, но волнение не отступало.

Мужчина стоял под сенью лиственниц, что окружали здание Военного Госпиталя Трэсматеса, и временами поглядывал на циферблат серебряных часов, мерно отмеривающих минуты в кармане его выбеленного и накрахмаленного халата.

Уже вечерело, и с минуты на минуту должен был явиться один очень важный человек, который заранее связался с Ористом Нилом и пожелал встретиться с ним в стенах госпиталя.

Человеком был никто иной, как господин Арнэн Дэник, близкий друг Фанимара Калеста, которого, к слову, Орист не встречал не раз в жизни, хотя общался с Фанимаром со школьной скамьи.

Орист и Фанимар знали друг друга с детства, студенческие годы развели их по разным путям, но вновь двух закадычных друзей объединило горе, настигшее Фанимара Калеста.

В то время жена Фанимара Селена носила дочь, последние дни беременности были очень тяжелы, и Фанимар обратился к своему другу Ористу, который тогда уже был грамотным военным лекарем, за помощью.

К сожалению, Ористу Нилу удалось спасти только дитя, так как роды оказались осложнёнными: Селена потеряла много крови и скончалась. Фанимар остался один на руках с Сандрой, а Орист Нил поддерживал друга и всячески ему помогал пережить нелёгкое время.

«Вот и сейчас для Фанимара настали трудные времена, если он даже не сумел выйти на связь», – подумал Орист.

Мужчина понимал, что друг ввязался в очень опасную авантюру, но в какую именно, не имел ни малейшего представления.

Послышался цокот копыт, и вскоре небольшая карета пересекла ворота госпиталя и остановилась у крыльца, дверь отворилась, и Орист увидел господина Дэника.

Внешность его напомнила Нилу образ совестливого кролика, изображение которого запомнилось ему с глубокого детства, когда он часто перечитывал сказку о кролике, что ушёл из дома ради поиска приключений и открытий, в попытке найти смелость и преодолеть робость и нерешительность.

Арнэн несмело протянул руку Ористу Нилу, мужчины обменялись рукопожатием.

– Добрый вечер, я полагаю, нет нужды представляться? – спросил господин Дэник почти дрожащим, тонким голосом.

– Нет. Вы здесь по поручению Фанимара Калеста? Я не могу связаться с ним!

– Вынужден дать отрицательный ответ. Фанимар исчез

и на его поиски брошены все силы Нуатрикса.

– Нуатрикса? – изумился Орист Нил.

– Именно. Потому я пришёл сюда лишь по своей инициативе, дабы опередить их. Тот человек всё ещё в госпитале?

– Да, пациент проходит лечение. Вы хотите с ним побеседовать?

– Это было бы не лишним. Но только без имен, я не хочу, чтобы потом на допросе из меня вытащили что-либо стоящее.

– Пройдемте за мной, – предложил Орист.

Мужчины зашли в ярко освещённый холл, в воздухе которого уже можно было различить специфический запах медикаментов и обеззараживающих препаратов.

Орист Нил вручил Арнэну чистый халат, велел снять башмаки и надеть специальные тапки.

– Значит, они и за мной придут рано или поздно? – с опаской спросил Орист Нил господина Дэника.

– Думаю, да. Вы должны скрыться раньше, чем они доберутся до вас, но главное, вы должны обеспечить пациенту безопасность. Как он себя чувствует?

– Уже лучше. Динамика положительная. Кажется, бредовое расстройство отступает, но он на сильнодействующих средствах, потому я не уверен, что вы получите от разговора необходимую информацию.

– Вы можете мне рассказать, что делал Фанимар? Он вам не открыл тайну своего замысла?

– Я лучше объясню вам всё, что понял, на месте. Однако Фанимар не посвятил меня в свои планы, если вас удовлетворит такой ответ.

Но судя по виду господина Дэника, Ористу стало ясно, что тот вовсе не доволен подобным заявлением.

– Перед своим исчезновением Фанимар поведал мне, что узнал о пациенте от вас.

– Да, всё верно. Мы встретились с Фанимаром в трактире и проболтали почти до утра. Я ненароком рассказал ему об этом случае, без каких-либо догадок или планов, а он проявил какой-то почти нездоровый интерес.

– Я не удивлён.

Мужчины свернули в полутёмный коридор, над входом которого висела табличка с надписью: «Отделение душевных болезней». На пути им встретилась только медсестра, которая вежливо поздоровалась с Ористом Нилом, а Арнэна одарила недоверчивым взглядом.

– Он, скорее всего, спит, сегодня днём был тяжёлый приступ, – объяснил Нил перед тем, как переступить порог одиночной палаты.

Внутри стояла довлеющая тьма, свет был выключен, окна завешаны непрозрачными плотными занавесками. Орист Нил зажёл небольшой фонарь на столе, и в его лучи попала металлическая кровать, стоявшая в углу помещения.

На кровати спиной к вошедшим, свернувшись в позе зародыша, лежал крепкий мускулистый мужчина. Его торс был

обнажён, а на спине, на уровне поясничных позвонков виднелась марлевая повязка величиною с ладонь.

– Что это? – спросила господин Дэник.

– Фанимар брал у пациента люмбальную пункцию.

– Люмбальную пункцию?

– Да, вот видите. В промежутке между 3 и 4 поясничными позвонками. Как я понимаю, ему необходим был образец ликвора, то есть спинномозговой жидкости. Однако для чего, он не сказал, и меня очень это удивляет, если не сказать, что я был возмущён тем, что он, без моего ведома, проводит с моими пациентами подобные манипуляции, которые априори требуют специальной подготовки. Однако, Фанимар всегда руководствуется лишь своими интересами и принципами, должно быть, вам это известно.

– К сожалению, да, – согласился Арнэн, – можно ли поговорить с ним?

– Сейчас, – Орист Нил подошёл к мужчине и что-то прошептал ему на ухо. Могучий человек развернулся, привстал и сел на краю больничной койки:

– Приветствую вас, – прогудел он гулко.

Его коротко стриженный волос уже тронула седина, она же оставила свой след в густой бороде. Взгляд человека был какой-то пустой и безжизненный.

– Здравствуйте, – ответил Арнэн, – как ваши дела?

– Не стану лукавить, бывало и лучше, – сказал мужчина, опустив глаза.

– Я хотел спросить вас кое о чём, – начал господин Дэник.

– Вы желаете знать о том человеке, о Фанимаре Калеста?

– Да. О чём вы говорили с ним?

– Фанимар поверил мне, – сказал пациент, – он единственный за всё время не счёл меня сумасшедшим, – мужчина взглянул на Ориста Нила, стоявшего чуть поодаль, – после общения с ним мне многое стало понятно, и мой рассудок прояснился.

– Фанимар Калеста давал вам какие-либо препараты?

– Да, он сделал мне какой-то укол, как он сказал «сыворотки», а потом давал смотреть различные картины, говорил разные слова, порой не связанные между собой, а после сказал, что ему нужен образец моей спинномозговой жидкости.

– Он не разъяснил для чего?

– Это необходимо, чтобы получить все ответы, заверил он. А теперь я прошу вас, оставьте меня в покое, я не хочу вспоминать прошлое, которое только начало терять власть над мной. Мне необходимо забыть тот кошмар, что довелось пережить там. Я уже рассказал вашим друзьям всё, что помню и знаю.

– Я понимаю. Но и вы должны понять, что информация, который владеете вы и которая теперь известна Фанимару Калеста очень ценна. Нуатрикс охотится на Фанимара, ибо он преступил закон и нарушил установленные правила. Рано или поздно ищейки Нуатрикса доберутся до вас обоих, – господин Дэник взглянул сначала на Ориста Нила, а затем

на пациента, который с неподдельным равнодушием смотрел на него в ответ.

– Но что нам в таком случае делать? – спросил Орист.

– Именно поэтому я здесь, – ответил Арнэн, – я пришёл помочь...

* * *

Ирма ещё долго сидела неподвижно, точно жертва искусного гипноза или сомнамбула. Таинственный человек незаметно для всех исчез, воспользовавшись моментом всеобщего замешательства.

Весь реквизит представления начали спешно убирать многочисленные люди, и вскоре подмостки оказались пусты, чего нельзя было сказать о скамейках.

Признаться честно, вся публика разделилась примерно на три части: одни полагали, что стали свидетелями истинного чуда того, что скрывает правительство, другие видели в демонстрации лишь умело выполненную иллюзию, а третьи вообще не высказывали своего мнения и решили просто приятно провести время, хотя все единогласно заявляли: подобное представление крайне опасно и лучше бы полиция не узнала об этом мероприятии.

– Ирма! – Ардос пытался привести девушку в чувства, – ты чего? Нужно уходить отсюда! Я в ужасе от твоего безрассудства! – юноша был явно рассержен и, возможно, напуган.

Когда они покидали секретное собрание в лесу, Ирма беглым взором пыталась найти того мужчину, что стал пред-

метом ярких дебатов, развернувшихся под открытым небом. Но он словно бы испарился, также неожиданно, как и его команда, что организовала сие действо.

– Я даже не предполагала подобного, – сказала Ирма, уже после того, как они вышли на мрачную улицу генерала Хогра.

– Я искренне надеюсь, что нас никто не видел, если учесть, что за тобой итак следит Нуатрикс! Кто бы мог подумать! – Ардос взялся обеими руками за голову. – Ты хоть отдаешь себе отчёт в том, что это не шутки? И это то, куда ты хотела попасть? Лекции фанатиков?! – возмущался молодой человек.

– Я ускользнула от Нуатрикса, – грубо бросила девушка, – и да, я знаю насколько серьёзно участвовать в подобных собраниях. Ты, наверное, первый человек из моих знакомых и друзей, кто услышит это, но старшую сестру моего отца, тётю Сильду обвинили в занятии магией и казнили. В семье мы никогда не обсуждали эту тему, боясь навлечь на себя беду.

– Я просто не верю своим ушам, – Ардос не скрывал удивления.

– Мне всё же не даёт покоя этот человек...

– Ирма, я более чем уверен, что это всего лишь ловкий фокус. Мне доводилось бывать на представлениях иллюзионистов в Анфарде, так они такое вытворяют, что уму непостижимо.

– Ардос, меня больше волнует не то, что он показывал, а то, что он говорил. Разве тебя это не поразило?

– Честно? Не очень. Я скептически отношусь к такого рода вещам и считаю, что Управление по противоправному использованию магии всего лишь средство Нуатрикса избавляться от неудобных граждан.

– Нет, Ардос, – возразила Ирма, – дедушка учил меня, что никакое явление не может быть отвергнуто, как ложное, пусть даже на первый взгляд оно необъяснимо рационально. Я поверила этому человеку, Магия существует, этого просто не может не быть, я всегда так считала, иначе вокруг этого вопроса не возникало столько недомолвок.

– Тебе виднее, Ирма. Ты обучаешься в Духовной Академии, а это накладывает свой отпечаток на восприятие вещей, как моё образование, не позволяет согласиться с тобой.

– Дело абсолютно не в этом, – ребята вышли к Чайной госпожи Лиры, которая уже была закрыта и двинулись к гостинице, где остановился Ардос.

– Тогда в чём?

– В детстве Фанимар мне часто... – Ирма не закончила фразу и резко остановилась, – о, Боги! Ардос! Кажется, я вспомнила!

– Что? Что ты вспомнила?

– Я наконец-то вспомнила, где видела этот ключ! – словно испытывавшая инсайт, воскликнула Ирма и увидела, как лицо Ардоса приняло недовольную гримасу:

– Может, хватит на сегодня этих резких переходов от одной темы к другой и неожиданных загадок?

– Но это очень важно, дорогой Ардос! Я столько дней не могла вспомнить, – девушка сжала в ладони медный ключ, висевший на её шее, – мне нужно домой, а завтра я тебе обязательно всё расскажу, если тебе интересно, конечно.

– Договорились, но помни, что у нас, помимо всего прочего, завтра много дел. Не забудь поговорить с братом.

– Конечно-конечно! Я всё помню, теперь точно всё, – просияла Ирма.

– Давай я провожу тебя! Как ты доберёшься до дома в столь поздний час?

– Нет, не нужно, я сначала забегу в академию и спрячу это жуткое одеяние, а затем найму извозчика. Мне не в первый раз возвращаться в поместье в такое время. А ты ступай в гостиницу и хорошенько выспись.

– Ты уверена?

– Более чем. Тебя не должны видеть с Ирмой Калеста, по крайней мере, пока, – заверила девушка.

– Ладно. Тогда до завтра.

– До завтра! – крикнула пустившаяся в бег Ирма. – Встретимся в 9 утра около фонтана у академии!

– Добрых снов! – вслед пожелал ей Ардос, но девушка уже не слышала его слов, так как ветер свистел в её ушах, а сердце истоново билось, предвосхищая долгожданный ответ...

* * *

«Итак, вы должны усвоить одно очень важное правило, – звучал голос господина Дэника в голове Ориста Нила, – как можно меньше людей должно знать о ваших планах и передвижениях. Более того, вам нужно скрыть пациента так, чтобы его местонахождение не было известно даже вам, на случай, если всё же Нуатрикс доберётся до вас. Экстракт Амнезиса позволяет им против воли людей извлекать из их памяти всё необходимое, а потому вы должны быть предельно осмотрительны».

Орист Нил был одет в длинный коричневый плащ и широкополую шляпу, он быстрым шагом протискивался сквозь суетливую толпу народа, что беспокойно бурлила на площади перед вокзалом.

Кровь пульсировала в мозгу в такт словам Арнэна Дэника, отбивающим точно молоток по наковальне.

«Вам необходимо обеспечить пациенту безопасность, повторяю, лишь это имеет значение, – продолжал Дэник, а перед глазами Ориста Нила всё расплывалось, – я понимаю, что лечение ещё не завершено, но другого выхода нет. Я могу оказать вам лишь материальную помощь и покрыть все расходы. Всё остальное вам необходимо сделать самостоятельно, ибо, если на меня падёт подозрение Нуатрикса, нам всем придётся нелегко. Я итак навлёк на нас огромную опасность отважившись встретиться с вами».

Орист Нил миновал распахнутые двери центрального входа железнодорожного вокзала и напрямик направился к би-

летным кассам, к которым вытянулась колоссальная очередь.

Военный лекарь старался сохранять спокойствие, но, тем не менее, ненароком оглядывался по сторонам, чтобы удостовериться: не следят ли за ним. При виде людей в чёрном, сердце Ориста замирало, но после он успокаивал себя тем, что ошибся, так как временами ему встречались мужчины в чёрных пиджаках и женщины в чёрных пальто, не имевших ни малейшего отношения к Нуатриксу.

Очередь продвигалась довольно медленно, оттого ожидание томило, но оно было неизбежным, как и то, что с минуты на минуту должен был прийти пациент.

Орист Нил искренне надеялся, что пациент отыщет вокзал и место, где они условились встретиться, ведь за пару часов до этого, Нил обеспечил человеку побег из Военного госпиталя Трэсматеса, но, на бумагах, всё проходило как официальная выписка из стационарного отделения.

В целом, часы ясности преобладали в психическом состоянии пациента, однако временами случались острые приступы бреда, и этот факт вызывал серьёзные опасения у Ориста:

«Сможет ли он сделать так, как задумано? Осознаёт ли всю опасность обстоятельств, нависших над ним?».

Одновременно с этим мыслительным штурмом, Орист проклинал своего друга, Фанимара Калеста. Его возмущало, как человек, которого он знает столь долго, мог так подставить своих близких? Ориста всегда поражало, каким Фа-

нимар может быть самозабвенно увлечённым, пренебрегая всем и всеми, жертвуя себя целиком и полностью задуманному делу.

Наконец, подошла очередь Ориста, он протянул несколько серебряных монет и приобрел билет на ближайший рейс до деревушки Эст-Тайда. Затем он двинулся в сторону выхода к платформам, где недалеко от настенных часов, на скамье для ожидания, увидел своего пациента.

Орист Нил стремглав преодолел расстояние до скамьи и присел рядом с мужчиной так, будто не знал его вовсе. Орист установил дорожный саквояж между собой и пациентом, однако, не смотря на все эти приготовления, мужчина был безучастным, и Орист не мог понять: то ли он изображал подобное отношение нарочито, то ли действительно не замечал ничего вокруг.

– Я купил билет, – сказал Орист, смотря куда-то вперёд. Он задержал взгляд на маленькой девочке, устроившей своей матери настоящую истерику из-за того, что та не разрешила дочери спуститься к рельсам, – в сумке есть деньги, немного еды и записка, которую ты отдашь человеку на станции в Эст-Тайда, его имя Кин, далее он будет решать твою судьбу. Одну ночь ты проведёшь в Эст-Тайда, но после, Кин переправит тебя в другое место, где ты и остановишься. После того, как почувствуешь себя лучше, ты сможешь вернуться к себе на родину, денег у тебя достаточно. Но какое-то время необходимо придерживаться нашего плана, понима-

ешь?

Мужчина кивнул в знак согласия:

– Главное, теперь я знаю, что всё это правда, что это не плод большого рассудка, это правда... – отрешённо прошептал пациент.

– Имадис, сейчас значение имеет только твоя безопасность. Нуатрикс не должен добраться до тебя. Вот держи, – Орист Нил протянул мужчине стеклянную баночку, доверху наполненную пилюлями, – тебе нужно принимать по две на ночь и одну днём, если почувствуешь приближение приступа. Ясно?

– Да, – ответил Имадис, взял в руки баночку с лекарством и положил в карман куртки.

– Значит так, билет в маленьком внутреннем кармане саквояжа. Надеюсь, я ничего не забыл. Теперь мне пора, чем меньше нас видят вместе, тем лучше. Прощай, Имадис. Желаю тебе удачи, – Орист Нил встал со скамьи и, не глядя на своего пациента, направился от него прочь...

* * *

От самого вокзала Орист Нил шёл до дома пешком. Он вдруг ощутил невероятное облегчение от того, что дело сдвинулось с мёртвой точки, а надежда на благополучное завершение этой истории грела сердце.

По пути Орист заглянул в закусочную и купил себе горячую лепешку, которой решил полакомиться, держа путь через парк, по которому мужчина захотел прогуляться, совер-

шив значительный крюк.

Кажется, погода становилась теплее, предвещая приближение лета, которое наступает необычайно внезапно в Семиветряной Гавани. Орист не знал, где сейчас Фанимар, но искренне надеялся, что с другом будет всё хорошо и они ещё поболтают, просиживая брюки на деревянных стульях трактиров, открывающих летние веранды под открытым небом.

«Должно быть, Имадис уже в пути», – подумал Орист Нил, сворачивая на узкую улочку.

Уже смеркалось, а потому Орист сразу обратил внимание, что свет в окнах его квартиры, располагавшейся на втором этаже жилого дома, горит.

Орист Нил жил один и никогда не был женат, у него также не было детей, братьев, сестёр или других родственников, что, без его ведома, могли так бесцеремонно позволить себе нарушить покой уединённого холостяцкого жилища.

Мужчина понял, что рисковать нет смысла, отбросив все догадки и предположения, он, молча и спокойно, повернулся и мерным шагом пошёл в противоположную сторону от своего дома, стараясь всеми силами не привлекать к себе внимание.

Орист Нил знал, что Нуатрикс теперь взялся и за него, а это значило, что появляться на работе или в других местах, где он систематически бывает, отныне опасно...

ГЛАВА 7. Тайник

Тео решил немного задержаться в больнице святой Англии и помочь своему наставнику Нэмосу Варда в наблюдении за Рамлой, ибо у старшего магистерия было итак немало пациентов, требующих должного внимания.

Тео расположился на кушетке в коридоре, из которого можно было видеть дверной проём, ведущий в палату Рамлы, где девушка пребывала в забытии действия большой дозы паральдегида.

Молодой человек изучал лекцию о лихорадочном синдроме, которую студентам медицинской семинарии читали ещё на втором курсе, и которую Тео так кстати сохранил.

Большую часть своих записей Тео Калеста держал в кабинете наставника, выделившего своему ученику отдельную полку стеллажа. Нэмос Варда всегда говорил, что в начале карьеры лекаря очень важно обращаться к различным источникам литературы, в том числе и к своим лекциям, дабы избрать верное направление в терапии недугов, учитывая, что весь объём специальной информации из области медицины удерживать в голове постоянно крайне трудно.

Пару часов назад Рамле была сделана инъекция салицилата натрия, призванного снизить высокую температуру тела, однако положительной динамики не наблюдалось до сих пор, это беспокоило Тео.

Он и Нэмос Варда понимали, что необходимо увеличить дозу лекарства, однако оба опасались развития токсических реакций.

Медицинская сестра периодически повторяла процедуру обтирания яблочным уксусом, но безрезультатно.

Около полуночи, когда Тео на несколько минут впал в дрёму, из палаты Рамлы слышались беспокойные стоны: видимо, девушка пришла в сознание и, не обнаружив никого рядом, позвала на помощь.

Тео тут же пришёл в чувства и отозвался. В палате стоял специфический запах карболовой кислоты, напоминавший запах гуаши, на столе тускло светил фонарь.

– Рамла? – спросил молодой человек, – я здесь. Тебе что-нибудь нужно?

Но девушка ничего не ответила, она тревожно ворочалась на кровати с закрытыми глазами.

Тео Калеста присел рядом с ней и положил тыльную сторону своей ладони на лоб Рамлы: не было сомнений, лихорадка и не думала отступать.

Тео посмотрел на тонкие черты лица девушки, на то, как она морщит брови, вероятно, пребывая в каком-то изматывающем полусне.

Молодой человек заметил, что запястья Рамлы сплошь покрыты уже давно затянувшимися шрамами. Тео провёл по ним пальцами.

– Я никогда не пыталась убить себя, если ты поду-

мал об этом, – внезапно произнесла Рамла. Тео вздрогнул от неожиданности, взглянул в её глаза и замер, ибо никогда в своей жизни ещё не встречал такого сильного и всеподчиняющего взгляда. Молодой человек смотрел на Рамлу, не выпуская её тонких запястий из своих рук.

– Тебе лучше? – после неловкой паузы спросил он и встал с больничной койки.

– Нет. Ваши лекарства не смогут мне помочь.

– А что сможет?

– Мне нужно попасть в город Ингиррат, только там я найду понимание и помощь.

– Ингиррат? – удивлённо переспросил Тео, – но это совершенно другая страна, и путь туда не близкий. Учитывая твоё состояние, я не думаю, что ты готова к такому путешествию.

– Только я знаю, к чему готова.

– Но ты сама пришла сюда, помнишь? Ты искала человека с татуировкой.

Рамла замолчала и, казалось, была очень озадачена, она словно пыталась воспроизвести в памяти всю цепочку событий, предшествовавших этому мгновению.

– Где я? – наконец, спросила она.

– Ты в больнице святой Англии.

Девушка осмотрелась по сторонам. Тео вновь ощутил какой-то неприятный холод, который почувствовал впервые, когда зашёл в палату Рамлы.

Это, осязаемое кожей, ледяное прикосновение нечто, по-

что парализовывало тело и волю.

Минуту спустя, продолжая борьбу с неистовым оцепенением, Тео увидел, как поведение девушки резко меняется: она несколько раз встрепенулась, громко закричала, а после упала на пол в жутких конвульсиях.

Тео Калеста незамедлительно кинулся к Рамле и зажал её голову между своих колен, чтобы она не ударилась затылком о мрамор, судороги сменяли одна другую, но амплитуда их не уменьшалась.

Молодой человек позвал медицинскую сестру, чтобы та разыскала Нэмоса Варда, в данный момент, вероятно, совершавшего обход наиболее тяжёлых пациентов.

Напряжение росло, будто повышенный тонус мышц девушки распространялся даже за пределы её тела, заставляя воздух сжиматься и разжиматься в унисон судорог.

Из коридора донеслись звуки быстрых и тяжелых шагов старшего магистрия. Нэмос Варда ворвался в палату, и в то же мгновение Рамла издала всепронзительный вопль, который вихрем ударил о высокие витражные окна, разбив живописные стёкла вдребезги...

* * *

Ирме долго не удавалось поймать извозчика: так некстати площадь перед Духовной Академией опустела раньше обычного.

Девушка спрятала свой маскировочный костюм в небольшой сумке, которую разместила за одной из обветшалых ко-

лонн, ещё только ожидавших кропотливых рук реставраторов, и, как ни в чём не бывало, смелой, почти летящей походкой, направилась на поиски транспорта.

Людей в чёрном нигде не наблюдалось, это очень радовало Ирму, а жгучее чувство ожидания лишь подстёгивало приподнятое настроение, появившееся так резко и внезапно впервые за последние дни, с момента исчезновения бабушки.

В конечном счёте, девушке всё же удалось отыскать неказистую карету с хромой кобылой в упряжке и полусонным кучером, согласившимся подвести Ирму только до аллеи:

– Нет, дорогуша, я не поеду до самого поместья в столь поздний час, дорога там не для моей старушки, – сказал кучер, заботливо похлопывая лошадь своей огромной ручищей.

Ирме ничего не оставалось, как согласиться на подобные условия.

Как ни странно, ехали они довольно быстро, хотя, возможно, так казалось Ирме, пребывавшей в своих чертогах разума и захваченной волной воспоминаний и таких очевидных заключений, которые, что удивительно, лежали на поверхности, но, по какой-то причине, так долго оставались в тени небытия.

Когда девушка расплатилась с извозчиком и выскочила из кареты на аллею тропу, она незамедлительно пустилась в бег по дороге, ведущей напрямик к воротам поместья

Калеста.

Ветер развевал кроны деревьев, а их таинственный шёпот сопровождал девушку, точно подгоняя вперёд, навстречу маячащим впереди огням окон родного дома.

Ирма пересекла порог особняка и ощутила аромат сливочных кексов, что, по-видимому, испекла госпожа Ранида.

Подле лестницы в холле стоял господин Дорм, его руки по локоть были в тине из пруда, который он неожиданно для всех принялся чистить и возился с ним медленно, но с ответственной тщательностью.

– Здравствуй, Ирма, – поприветствовал девушку садовник, отчасти удивлённый её запыхавшемуся виду.

– Дорм, Тео дома? – с трудом переводя дух, спросила Ирма.

– Нет, господин не являлся с утра.

– Ясно, – Ирма махнула рукой и бросилась вверх по лестнице, на чердак.

Ирма отворила скрипучую дверь и попыталась включить свет, но выключатель оказался неисправным, тогда она зажгла переносную лампу, что стояла у самого порога.

В детстве Тео и Ирма часто бывали здесь и любили подолгу играть, это место также облюбовала Мелисса, сразу после того, как стала жить вместе с семьёй Калеста.

Мачеха обычно брала с собой плед, чашку чая, любимую книгу и располагаясь на широком подоконнике круглого окна, света которого было более чем достаточно для чтения.

Ирма точно помнила, что вещь, разыскиваемая ею, должна находиться именно здесь. Фанимар, не смотря на свой ум и изобретательность, всё же был консервативен.

В углу чердака находилась ниша, прикрытая парой досок, Ирма отодвинула их в сторону и вынула прямоугольной формы ящик. Девушка помнила этот расписной деревянный артефакт, так ценимый дедушкой. Как же она могла забыть о нём? Ведь это целый кусок её детства! Как Тео мог забыть?!..

Ящик запирался на медный ключ, перед глазами Ирмы всплыла картина, как Фанимар достаёт из внутреннего кармашка пиджака ключ и открывает им ящик. Девушка точно-точно повторила этот почти ритуал, она подняла крышку и увидела тонкую книгу в кожаном переплёте.

На обложке не было никаких надписей, но на первой странице значилось: «Эпос о бессмертной любви Нэйас», перевод на ургабадский язык: Фанимар Калеста.

– Это знак, я знаю, дедушка, ты не мог оставить меня в неведении, – прошептала Ирма, пролистывая зачитанные страницы.

Девушка прекрасно помнила, как Фанимар увлекался этим литературным наследием, именно благодаря стараниям дедушки, Тео и Ирма привили себе любовь к чтению и истории.

Фанимар имел несколько изображений отрывков оригинала Эпоса, написанных на иероглифическом языке Древ-

неиджийского Царства, которые самостоятельно переводил, так как профессор не доверял существующим переводам этого легендарного произведения.

Эпос повествовал о любви девушки Нэйас к юноше по имени Армо, но любовь эта была безответна и изначально обречена. Армо испытывал чувства к прекрасной Талви, которую вскоре собрался взять в жёны.

Узнав об этом, в сердце Нэйас зажглась слепая ревность, а чернь зависти опалила её рассудок. Нэйас обманом сумела отравить Талви, чтобы смерть разлучила её с Армо, которого так страстно желала Нэйас.

Нэйас всей душой надеялась, что сможет растопить сердце юноши, что объято горем утраты, но надежды её оказались слепы, как и сама любовь, которую она хранила в душе.

Армо увядал, его мукам не было предела, а страдания его причиняли боль Нэйас. В конце концов, терзания девушки стали столь непреодолимы, что она в отчаянии взмолилась богам о прощении, об искуплении и возможности помочь дорогому Армо.

На мольбу откликнулся бог Тиасс, покровитель любви и творческой силы, он открыл глаза деве, и она осознала, что сотворила, она поняла, насколько извращёнными и уродливыми были её стремления.

Тиасс всё же решил помочь бедной девушке. Он сказал, что Нэйас должно спуститься в Нимдуат, в Долину усопших, и молить бога смерти Имдахира обменять одну душу на дру-

гую.

Тиасс призвал совершить дар жертвенности, доказательство истинной любви, дабы Армо и Талви вновь встретились и обрели своё счастье, которому помешала быть Нэйас.

И девушка без колебаний согласилась. Тиасс сказал же ей, что в мире мёртвых её поджидают испытания, и даже сам демон Тэндиру, запертый в Неукротимой Стуже пожелает забрать греховную и очернённую душу Нэйас.

Потому деве необходима будет помощь могущественных предметов, созданных великой богиней Магии, так называемых Даров Хадор.

Один из них – Магический Посох, управляющий силой Магии, другой – одна из Тринадцати Негаснущих Свечей, чьё пламя горит во всякой тьме и страшит Тёмную Пыль, что есть дыхание Демона Тэндиру, из которого были призваны Четыре Злых Духа.

По легенде, Нэйас удалось заполучить Дары богини Хадор, пройти чрез Врата в Храме Смерти в Нимдуат, преодолеть все препятствия и спасти душу Талви, в обмен на которую Имдахир взял дух самой Нэйас.

Однако бог любви был столь изумлён поступком Нэйас, настолько проникнут им, что выкрал душу девушки у своего брата Имдахира, владыки Долины Усопших. Тиасс превратил душу в прекрасный цветок бессмертной любви, что цветёт вечно, от момента рождения до конца своей долгой неувядающей жизни, этот цветок благоухает многие столе-

тия, он не подвластен времени, холоду или засухе, но не терпит людского прикосновения, от которого гибнет, но возрождается затем вновь, как возрождается искренняя и чистая любовь.

Этот цветок есть явное свидетельство бессмертной любви Нэйас, пожертвовавшей своей жизнью ради Армо, что в конце обрёл счастье с Талви.

Так звучало это древнее сказание, известное Ирме очень хорошо, однако девушка не могла понять, что хотел сказать Фанимар своим посланием, для чего необходим перевод Эпоса, и как он может дать ответы на интересующие её вопросы.

О тайнике на чердаке было известно только троим людям: самому Фанимару, Ирме и Тео, хотя, признаться, ребята никогда не понимали подобной секретности, но в детстве это их очень увлекало: быть причастными к тайне.

Ирма перелистывала книгу в кожаном переплёте, но ничего не находила, ничего особенного или из ряда вон выходящего.

Казалось, что растущее нетерпение, которое Ирма испытывала по дороге домой, встретило непреодолимую преграду, оттого оно рассыпалось на мелкие кусочки разочарования, острыми осколками впившимися будто в самое сердце.

Ирма взяла с собой записи Фанимара и покинула чердак, так как надеялась, что в ярком свете собственной комнаты, возможно, разглядит больше.

Девушка пропустила ужин, потому госпожа Ранида настойчиво требовала от неё отведать хотя бы сливочных кексов, но Ирма отказалась, ибо не могла думать ни о чём другом, кроме как о загадке дедушки.

Тео всё не было, а на его помощь Ирма возлагала много надежд, но брат, скорее всего, пропал в больнице святой Англии на дежурстве, а это значило, что она увидит его только завтра.

«А, ещё нужно же поговорить с Тео на счёт просьбы Ардоса, – вспомнила Ирма и сразу нашла решение, – что ж он сам не оставляет мне выбора, наведаюсь завтра в медицинскую семинарию, быть может, хоть там застану его».

Ирма настойчиво продолжала изучать книгу, она перечитывала раз за разом страницы, но не могла отыскать ни малейшей зацепки до тех пор, пока не обратила внимание, что некоторые номера страниц обведены в кружок.

Девушка взяла в руки лист чистой бумаги, перо с чернилами и выписала в ряд номера обозначенных страниц: 17,20,29,30,35,37,52.

Ирма смотрела на числа, явственно понимая, что они выбраны не случайно, однако, какой смысл вложил в них Фанимар, для неё оставалось не ясным.

«Что же вы хотите мне сказать?» – вопрошала Ирма, обрисовывая очертания цифр во второй раз.

Ирма встала из-за письменного стола и, не выпуская из рук книгу и лист бумаги с числами, направилась в каби-

нет Фанимара.

В коридоре она столкнулась с Мелиссой, которая, судя по запаху и шаткой походке, изрядно перебрала с вином за ужином:

– Здравствуй, детка, – улыбнулась мачеха, – я совсем вас не вижу с Тео после случая в Нуатриксе. Все стали какие-то молчаливые и угрюмые, никто не говорит ни с кем.

– Мелисса, извини, но я сейчас немного занята, – отмахнулась Ирма, сердце её обливалось обидой за любимую мачеху, которую отношения с Миколасом разрушали изнутри. Ирма обняла Мелиссу и добавила, – я загляну к тебе чуть позже, обещаю.

Мачеха ничего не ответила, лишь тяжело вздохнула.

С мерзким послевкусием предательства любимого человека, Ирма проникла в кабинет бабушки, включила свет и принялась расхаживать вдоль книжных полок, разглядывая их драгоценные фолианты и труды, что стояли в ожидании, когда их откроют и прочтут в очередной раз.

– Так-так-так, – говорила себе Ирма, – 17,20,29,30,35,37,52. Если бабушка оставил мне это задание, значит, он знал, что я справлюсь, что догадаюсь. Ему нужна моя помощь, он рассчитывает на меня, где бы сейчас не был. Числа, числа, числа...

Разговор с самим собой всегда помогает контролировать поток мыслей, это люди усваивают ещё с детства, маленькие дети в определённом возрасте начинают комментиро-

вать свои действия до тех пор, пока не научатся думать не вербально. Однако даже взрослые в критических ситуациях и пожилые, память которых слабеет, прибегают к этому действенному приёму.

Ирма пыталась вспомнить, где могла видеть много цифр подряд, ведь совсем недавно она перебирала документы Фанимара, внимательно изучала их, но...

Внезапно взгляд Ирмы упал на позолоченный переплёт большой книги, это был «Атлас древнеиджийских иероглифов».

«Таблица Килани», – вспомнилось девушке.

Ирма подставила стул, так как атлас стоял на самом верхнем стеллаже, и вытащила тяжёлую книгу.

В Духовной Академии Ирма изучала древнеиджийский язык на факультативных занятиях. В кабинете, где проходили уроки, все стены были завешаны таблицей профессора Килани, лингвиста, написавшего колоссальный труд по исследованию древнего языка и создавшего унифицированную схему наиболее распространённых иероглифов, с их значениями и возможными трактовками.

Каждому иероглифу в таблице был присвоен свой номер, это Ирма помнила прекрасно, некоторые знаки имели самоназвание.

Иероглифы древнеиджийского языка могли обозначать в одних случаях слово, в других слог либо морфему, или нести только грамматическую функцию. Эти их свойства

максимально отражала таблица Килани, с помощью которой можно было перевести любой текст с высокой степенью достоверности.

С помощью этого атласа Фанимар занимался самостоятельным переводом отрывков оригинала Эпоса о бессмертной любви Нэйас, пытаясь преодолеть все семантические противоречия предшествующих работ лингвистов.

Ирма села за рабочий стол дедушки, открыла атлас и, пролистав предисловие автора, развернула книгу на тех страницах, где начиналась таблица Килани.

– Итак, надеюсь, интуиция меня не подводит, – выдохнула девушка, – первое, иероглиф номер 17.

Ирма выписала на лист замысловатый знак, и его обозначение «указательное местоимение».

Далее под номером 20 располагался иероглиф со значением «запад», за ним 29 – «спать», 30 – «мать», 35 – «искать», 37 – «последний, завершающий, конечный», 52 – «дом».

Получалась нелепица: «Указание куда-то, запад, спать, мать, искать, последний, дом».

Однако Ирма знала, что ещё не учла всех грамматических отношений между иероглифами, обозначавшими слова, она вычленила пока лишь их семантическое значение.

Впереди было самое трудное. Спустя несколько минут, девушке удалось понять, что слово спать относится к матери и, скорее всего, является не глаголом, а его формой – причастием; глагол искать может стоять в прошедшем времени

и иметь совершённую форму, и, вероятно, переводится, как нашла; указательное местоимение – «там».

– Там, на западе, где спящая мать нашла последний дом, – прочла Ирма то, что ей удалось расшифровать.

Девушке пришлось ещё несколько раз обратиться к таблице Килани, чтобы понять, что под словом «дом» имеется в виду «покой», так как к данному иероглифу примыкал дополнительный значок: детерминатив смысловой категории «смерть», он же находился рядом с иероглифом «спящая», то есть в значении «почившая», «умершая».

Ирме стало ясно, что речь идёт о смерти, скорее всего, об умершем человеке, ибо есть указание, кто это (мать) и где (там, на западе).

«Там, на западе, где спящая мать нашла последний покой», – без усталости крутилось в голове Ирмы.

– Что есть на западе? – спросила пустоту Ирма и устала в дальний конец кабинета, – на западе Трэсматеса располагается Старое Дворянское кладбище, – тут же вспомнилось ей.

Но Ирму смущало слово «мать», из рассказов бабушки она знала, что вся семья Фанимара погибла от огненной болезни, инфекционной пандемии поразившей многие районы города во времена молодости бабушки, когда он проходил обучение в университете.

Фанимар говорил, что тела родственников сожгли, чтобы ограничить распространение болезни, а прах скончавшихся

был захоронен в одном месте, ныне там располагается мемориал, на котором высечены имена и годы жизни всех умерших в те роковые месяцы бушующей болезни.

Ирма и Тео бывали около этого мемориала, Фанимар каждый год возлагал к нему цветы, но это место находилось далеко не на западе, а, напротив, на востоке, на берегу Семиветряной Гавани.

Ко всему мать Фанимара не принадлежала к дворянскому роду, лишь отец дедушки приходился двоюродным племянником Инге Калеста, знаменитой и своенравной родовой дворянке, что и завещала своё поместье Фанимару, после своей смерти.

И да, насколько помнила Ирма, Инга действительно захоронена на Старом кладбище.

Однако на виду было явное несовпадение, тогда Ирма взяла в руки атлас с древнеиджийскими иероглифами ещё раз и внимательно принялась изучать знак «мать».

«Может Фанимар считает Ингу своей второй матерью, ведь она проявила к нему такую щедрость, хотя никогда не искала общения с родственниками и даже ни разу не встречала дедушку лично?», – подумала Ирма, но вскоре поняла, что в древнеиджийском языке мать это то же, что и покровительница.

Тогда всё вставало на свои места, ибо Ирма несколько раз слышала из уст дедушки, как он в разговоре называл Ингу покровительницей, ведь без неё у него не было бы тако-

го роскошного особняка и солидной суммы сбережений, которая позволила тогда ещё молодому Фанимару подняться на ноги и занять достойное положение в обществе.

«Там, на западе, где спящая покровительница нашла последний покой».

– Пора тебя навестить, Инга Калеста, – сказала Ирма.

Старший помощник ворвался в штурманскую, но не обнаружил Имадиса Лэйна. На столе штурмана коптила свеча, окружённая истрёпанными картами, таблицами склонения светил и значений девиации, на краю стола небрежно лежали секстант и хронометр, точно брошенные в спешке.

Старший помощник несколько раз окликнул штурмана, а после выскочил в коридор и побежал, продолжая звать Имадиса. Молодой парень ощущал, как тревога комом подкатывает к горлу: он не единожды сталкивался со штормом, но на этот раз что-то пугало его, что-то на глубинном уровне пробуждало все его страхи и опасения.

В это время команда Имиды готовилась к опасному манёвру: в машинном отделении были запущены двигатели, призванные привести в движение гребной винт в необходимый момент, а всё внимание капитана приковали бушующие воды.

ГЛАВА 8. Штурман «Имиды»

Закрывая глаза, он видел её лицо, такое сияющее, точно день, такое родное и тёплое. Он помнил её запах, запах стиральных порошков и мыла, её белые от воды и белья руки.

«Лиа, Лиа...», – повторял он её имя в забытии.

Поезд уже набрал скорость и мчался вдаль по железным параллелям, точно стрелам, уходящим за горизонт.

От лекарства Имадису хотелось спать, но всё же он пребывал в каком-то пограничном состоянии между явью и сновидениями, в котором так ясно разворачивались картины из его прошлого.

Сколько же испытаний послала ему судьба?.. Сколько она отняла, но и сколько подарила?..

Имадис Лэйн вспомнил свою первую любовь, девушку из дворянского рода, отец которой не позволил дочери связать свою жизнь с сыном рыбака, разлучив навеки возлюбленных.

Сердце Имадиса горело в чаду невыносимого чувства несправедливости, он долгое время не мог найти покоя.

Однако тяжёлый труд на рыбацком судне не терпел слабости духа. В семье Лэйнов Имадис был первым ребёнком, наряду с двумя братьями и тремя сёстрами, а потому от него требовали всегда больше, а жалели меньше.

Лишь спустя годы молодой человек открыл своё сердце

во второй раз, Имадис взял в жёны сельскую девушку, работавшую при земстве.

Земщиком был хороший человек, он выделил молодожёнам небольшой клочок земли и помог выстроить маленький домик, так началась самостоятельная взрослая жизнь Имадиса, уготовившая ему ещё одно испытание.

Жена Имадиса забеременела, но трагически скончалась: утонула в реке, на которую пошла купаться одна, так и не проведя их совместное дитя в мир.

Сердце Имадиса вновь оказалось разбитым, а дух угнетённым, но точно могучее дерево, что распускает листву после холодной зимы, несущей глубокий сон всему живому, Имадис воспрял, он отыскал в себе силы и, оставив всё, покинул родные края, с которыми его связывала тоска и скорбь.

Имадис приехал в город-порт Гирос, считающийся морской столицей севера, тогда мужчине было уже около тридцати лет.

В Гиросе ему пришлось туго: голод, отсутствие крова, работа за буханку хлеба. Однако, чуть позже Имадису подвернулась настоящая удача, ему удалось найти место матроса на одном торговом судне, куда требовались умелые и сильные руки, но вскоре капитан корабля заметил, что Имадис не только силён физически, но и обладает пытливым умом и имеет почти интуитивное чутьё в навигации.

Денег, зарабатываемых на судне, оказалось достаточно, чтобы окончить курсы морского искусства и стать помощни-

ком штурмана, а после и занять его место.

Жизнь постепенно начала налаживаться, безбрежные воды даровали свободу от тягостных воспоминаний, а неистовые бури уносили былые печали прочь.

В Гиресе Имадис встретил женщину по имени Лиа, она рано овдовела и носила траур по мужу. Мужчина и женщина полюбили друг друга. Имадис, когда не находился в плавании, жил в комнате в Прачном Доме, где работала и обитала Лиа.

Вскоре двое узаконили свой союз, дав клятву друг другу перед образом Тиасс.

Их жизнь до встречи была нелёгкой, но в конце она вознаградила обоих, даровав им любовь и покой, что якорем укрепили Имадису и Лиа в изменчивом мире.

Затем мужчину перевели работать на другое торговое судно, «Имида», но резкий и прямодушный характер Имадису Лэйна оказался не по нраву капитану корабля, а когда тот узнал, что начальник Северного Судоходства хочет повысить Имадису и назначить мужчину на его место, он и вовсе не мог боле находиться рядом с Имадисом: таким сильным был его гнев, питаемый завистью.

Сейчас штурман «Имиды» понимает, насколько мелочными были те распри и обиды, и, зная он наперёд о той роковой ночи, 19 февраля, он бы остался дома, со своей Лиа, пусть даже рискуя потерять работу и должность капитана, которую ему обещали по возвращении из Ингиррата.

Имадис Лэйн вдруг вспомнил то запредельное ощущение ужаса, тот иррациональный страх, неподвластный его сильному духу; чувства пережитого кошмара возымели над ним вновь. Имадис открыл глаза, достал из кармана баночку с лекарством и проглотил одну пилюлю, как рекомендовал ему лекарь Орист Нил.

* * *

Сандра не спускалась к ужину, слишком она была расстроена сложившимся положением вещей и дома и, прежде всего, на работе, за что она ещё больше прежнего гневалась на отца.

Женщина долго лежала неподвижно на своей кровати и смотрела в потолок, между тем тени от деревьев за окном, что тонули в палевом закате, стремительно ползли по стенам комнаты.

Они были подобием мрачных вестников, гнетущих и несущих отчаяние.

В былые времена, когда Сандре приходилось тяжело или нужно было обдумать нечто важное, она возилась на кухне, святая святых госпожи Раниды.

До того, как Фанимар взял домоправительницу на работу в поместье, приготовлением еды занималась Линда Эмрик, мачеха Сандры, о которой она вспоминает с болью в сердце.

Когда Сандре было пять лет, Фанимар посчитал, что девочке всё-таки необходима мать, тогда он и познакомился на одном из светских вечеров с экстравагантной особой Лин-

дой Эмрик, амбициозной певицей, не имевшей особого музыкального таланта.

Её выступления ограничивались малой сценой, и вскоре карьера Линды захирела. Женщина искала выгодную партию, а кандидатура тогда уже знаменитого профессора естествознания, владеющего поместьем, подходила как нельзя лучше.

Фанимар увидел в Линде искренность и честность, не смотря на всю внешнюю артистическую мишуру, коей она скрывала свой истинный образ.

Линда поселилась в особняке и посвятила себя семейной жизни целиком и полностью, она воспитывала Сандру, управляла домом и изредка писала неплохие песни, это, к слову, удавалось ей лучше, чем пение.

Сандра любила мачеху, научившей девочку кулинарному мастерству, к которому была предрасположена Линда.

Однако Фанимар был холоден к женщине, он любил её, но в большей степени как друга, его сердце принадлежало Селене, и никто не мог занять её место, память о покойной жене слишком часто тревожила его, а это ощущала Линда.

Женщина не могла больше мириться с тем, что всегда будет второй, всегда будет вместо кого-то, и через семь лет совместной жизни, она ушла от Фанимара.

Это разбило сердце Сандре, какое-то время она продолжала переписку с мачехой и даже навещалась к ней в дом, что Линда приобрела на берегу моря на средства, выручен-

ные от изданного ею сборника стихов песен, да и Фанимар никогда не отказывал бывшей жене в материальной помощи.

Вскоре Линда исчезла из жизни семейства Калеста, так же внезапно, как вошла в неё. Сандра пыталась разыскать мачеху, но тщетно. Кто-то говорил, что женщина покинула Трэмадес и уехала куда-то на полуостров Эсферос, иные утверждали, что Линда вовсе вышла замуж во второй раз и поселилась где-то в Альвесте, однако определённому никому не была известна её дальнейшая судьба.

С тех самых пор Сандра не ищет привязанностей, она убеждена, что человеку ничего не стоит предать другого или пожертвовать кем-то ради собственной выгоды, как это всегда делал Фанимар.

«Уйти из жизни человека, даже не попрощавшись, просто раствориться в неизвестности, будто ничего и не было, ничего, что так крепко связывало...»

С этими, отнюдь невесёлыми мыслями, Сандра спустилась на кухню, где уже всё было убрано на свои места, а хозяйка этих мест, по-видимому, отдыхала в своей опочивальне. Признаться, Сандра недолюбливала госпожу Раниду, но никогда не демонстрировала этого.

Женщина решила приготовить омлет с гренками, так как всю ночь не планировала сомкнуть глаз, желая закончить работу с бумагами по одному очень тривиальному делу, очередной мелкой ерунде, до которой её только и допускали, благодаря стараниям Нуатрикса.

Сандра включила плиту, достала из холодильника яйца, молоко, сыр и зелень. В этот момент её напугал мужской голос, отчего женщина вздрогнула и выронила одно яйцо, которое со шлепком плюхнулось и разбилось о пол.

– Извини, не хотел напугать, – сказал Миколас, который выглядел заспанным, – ты не видела вермут? В столовой нет.

– Посмотри в подвале, или в шкафу Раниды, – бросила Сандра, вытирая пол тряпкой.

– Тебе не спится? Ужинать с столь поздний час, это гарантировать себе беспокойный сон.

– Я не могу нормально спать, зная, что за стенами дома эти стервятники, – пренебрежительно ответила Сандра, имея ввиду ищек Нуатрикса.

– В меня они тоже вселяют какое-то напряжение, не могу работать.

– Я вижу, – усмехнулась женщина, – понемногу напиваешься? Ничего не меняется, Миколас.

– Все изменения тщетны, Сандра. Человек это потерянное и брошенное на произвол судьбы существо, он точно рыба в бескрайнем океане, плещется, стремиться куда-то, а от него только брызги и всё тут.

– Должно быть, тешить себя таким пронизательным умозаключением проще, чем пытаться сделать нечто действительно стоящее.

– Ох, ну, конечно. Ты ли можешь похвастать великими достижениями? – Миколас, наконец, отворил шкаф и нашёл

ещё не начатую бутылку вермута.

– Давай, хотя бы сегодня не будем ссориться?

– Между прочим, ты первая затеяла этот разговор.

– Согласна, потому и отступаю. Мне сейчас итак мерзко на душе.

– Тебе нужно выпить и отпустить свои думы и переживания. Я знаю, как подолгу ты всё крутишь в своей голове, – не дождавшись ответа, Миколас наполнил бокал напитком и протянул Сандре. Женщина, после недолгих колебаний, приняла предложения и сделала несколько глотков.

– Как Мелисса? Мне, кажется, её беспокоит твой творческий кризис. Я слышала, ты сорвал последнюю выставку? – спросила она.

– Ах, – махнул рукой мужчина, – сборище снобов, какая уж там выставка. Думают, будто смысляют в искусстве и духовности, что оно несёт. А Мелисса переживёт это, как всегда.

– Нет, Миколас, терпению рано или поздно приходит конец. Готова поспорить, ты тоже так думал, когда мы начинали совместную жизнь.

– Как не странно, но нет. Я всегда знал, что мы не сможем выносить друг друга со временем.

– Мы были ослеплены кратковременной страстью, и всё это было большой ошибкой...

– А Тео и Ирма?.. Они, скажешь, тоже ошибка?

– Хм... – Сандра сделала ещё пару глотковпряного ви-

на, – Мы даже не смогли их нормально воспитать. Порой мне кажется, что они считают своими родителями Фанимара и Мелиссу.

– Но в этом только наша вина.

– Я знаю, – Сандра разбила яйца, смешала их с молоком и тертым сыром, хорошенько взбила венчиком и вылила в разогретую сковороду.

– Мне кажется, что никакая это не ошибка, всё было так, как должно.

Сандра хотела ответить что-то, но на их голос, доносившийся из кухни, прибежала Ирма, она выглядела взволнованно:

– Мне нужна ваша помощь, – заявила она.

– В чём же? – спросил Миколас, не отрываясь от бутылки с вермутом.

– Мне срочно нужно покинуть дом не замеченной.

– Ты вообще видела, который час? – возмутилась Сандра.

– Время не медлит, я разгадала загадку Фанимара...

* * *

Деревушка Эст-Тайда находилась на севере окраин Восточного Предела и располагалась на территории уездного города Динид, однако прежде эти земли принадлежали Трэсматесу – столице Дэсмаса, самому крупному городу Восточного Предела.

Пожалуй, по величине Трэсматес не во многом уступает только Урбаду, древней столице Старого Дэсмаса, горно-

му городу, или, как его называют местные жители, Небесной Твердыне, сотни лет сохраняющей древнюю архитектуру и традиции.

Ургабад это колыбель цивилизации Северных Людей, владычество которых ныне распространилось на территории всего материка.

Динид же вырос среди хвойных лесов, снегов и холодных ветров, которые здесь намного жестче и злее, чем на юге Семиветряной Гавани, где раскинулась столица.

А жители этого города, как и под стать своим родным землям, черствы, суровы и сдержаны, они возвращены неприветливыми краями и воспитаны быть выносливыми, но всегда готовыми помочь нуждающимся в крове, тепле и еде.

Потому как не здесь, Орист Нил решил искать помощи в защите своего пациента Имадиса Лэйна. Он был близко знаком с человеком по имени Кин, с которым впервые встретился в стенах Военного Госпиталя Трэсматеса, где Кин проходил стажировку после завершения обучения в медицинской семинарии.

После Кин уехал в свой родной Эст-Тайда, и открыл небольшой медицинский кабинет, так как до этого жителям деревни при необходимости приходилось ехать в Динид, где находились ближайшие больницы.

Когда поезд начала сбавлять свой ход по прибытию к месту назначения, уже стояла глубокая ночь и вся станция – платформа и ветхое кирпичное здание местного вокзала –

были залиты светом фонарей.

Поезд несколько раз качнуло, и он остановился, Имадис Лэйн спешно взял саквояж под мышку и покинул вагон, так как на станции Эст-Тайда стоянка экспресса длилась не долго.

Ночь выдалась холодной, не смотря на стремительное приближение июня, температура пока не поднималась выше трёх-пяти градусов, отчего изо рта шёл пар, интересным образом подсвечиваемый уличными фонарями.

На станции вышло всего два человека: Имадис Лэйн и пожилой мужчина с багажом, превышающим его собственный вес в несколько раз, однако навстречу ему выбежало несколько молодых людей, подхвативших сумки старика и принявшихся его обнимать. Из доносившихся радостных возгласов, Имадис понял, что это сыновья встречают своего отца, которого не видели долгое время.

Мужчина наблюдал за этой картиной некоторое время, пока его не окликнул позади хриплый мужской голос.

Имадис обернулся и увидел мужчину в стёганой телогрейке и вязаной шапке. Мужчина носил длинную бороду и круглые очки и, на первый взгляд, не был похож на человека медицинской профессии.

– Вы от господина Нила? – спросил мужчина. Имадис кивнул и протянул ему записку, что лежала в саквояже, – Хорошо. Моё имя Кин, – представился мужчина, даже не развернув послание Ориста.

– Мне это известно.

– До утра вы пробудите здесь, переночуете у меня дома, отсюда недалеко, доберёмся пешком. А завтра я отвезу вас до Динида, там уже найдено и оплачено на месяц вперёд жильё для вас. Не роскошные апартаменты, конечно, но жить можно.

– Орист не говорил вам, когда именно я смогу вернуться в Гирос?

– Думаю, через месяц, может полтора. У вас достаточно средств?

– Да, господин Нил позаботился об этом.

– Нам нужно сбить с толку Нуатрикс, потому задерживаться в Диниде также не желательно, но вам должно стать лучше. У вас есть лекарство?

Имадис вынул из кармана стеклянный пузырёк и продемонстрировал его Кину.

– Меня мутит от него, – сказал Лэйн.

– Я дам вам ещё одно, оно усилит действие первого, но уменьшит выраженность побочных эффектов. Вы должно быть голодны и продрогли? Пойдемте скорее, дома моя жена приготовила вам ужин, горячий чай и постель.

* * *

– Ирма, помнится, я тебя предупреждала на счёт Фанимара, – недовольно бросила Сандра, сохраняя при этом предел внешней невозмутимости.

– Я не собираюсь с тобой спорить или ругаться, у меня

даже нет желания всего объяснять! Я прошу одного, хоть раз в жизни помогите мне, я не требую много. Мне действительно нужно в одно место, сейчас, и так, чтобы они не узнали, – Ирма указала рукой в сторону окна, за которым, вероятно, всё ещё бдели ищейки Нуатрикса.

Повисла пауза и тишина звенела в ушах Ирмы, подогреваемая волнением и жадной ответом.

– Ладно, хорошо, – неестественно засмеялся Миколас, – выйдешь через второй чёрный вход, там, около куста спиреи, должен стоять старенький велосипед Дорма, – с этими словами Миколас с бутылкой вермута в руках покинул кухню, оставив Сандру и Ирму в недоумении.

После послышался звук отворяющейся парадной двери и нарочито представленный пьяный крик Миколаса, разлившийся по всей территории поместья.

Такого бреда, который изливал наружу отец Ирмы, девушка ещё никогда не слышала, тем не менее, он привёл в чувства людей в чёрном, которые подобно сонным мухам безучастно наблюдали за пустыми окнами особняка.

– Ирма, только будь осторожна, – предостерегла Сандра дочь, и девушка впервые ощутила на себе её материнский взгляд, не безразличный, но искренне заботливый, – Фанимар не заслуживает того, что ты делаешь.

– Нет, мама, заслуживает, – ответила Ирма и бросилась прочь.

Она уже заранее приготовила сумку с книгой Эпоса о бес-

смертной любви Нэйас, что нашла в тайнике Фанимара, лист бумаги с расшифровкой его послания и фонарь.

Ирма натянула башмаки и пальто с капюшоном. Воспользовавшись тем, что ищейки Нуатрикса были отвлечены принесённой Миколасом динамикой в унылые и скучные события последних дней, девушка покинула особняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.